

8дп. 15-747/
С 47

Николай
СЛЕПЦОВ

МОИ АГАДЫРСКИЕ ЗОРИ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОЭМЫ

821/574)
с 47

Николай СЛЕПЦОВ

МОИ АГАДЫРСКИЕ ЗОРИ

**СТИХИ, ПОЭМЫ И, ХОТЬ ТРЕСНИ,
БЛАЖЬ ЛИРИЧНАЯ И ПЕСНИ**

Караганда, 2013

УДК 821(574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-5
С 47

С 47 Слепцов Н.

Мои агадырские зори: сб. стихов и поэм/
Николай Слепцов. - Караганда: Арко, 2013. - 116 с.

ISBN 978-601-204-159-0

Сборник стихов жителя карагандинской глубинки подкупает искренним, уважительным отношением к своему краю, своим корням, семье и немного ироничным отношением к своему поэтическому творчеству. Любовь к поэзии сопровождает Николая Слепцова всю его жизнь, выплескиваясь порою в частушечные куплеты, а порой в поэмы, полные философского смысла. Стихи 75-летнего автора заставляют задумываться о добре и зле, о смысле человеческой жизни.

УДК 821(574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-5

Над книгой работали:

Текст: С. Коханова, К. Круглов
Набор и оформление: Ю. Александрова,
Л. Зенгер

ISBN 978-601-204-159-0

© Слепцов Н., 2013

C. J. H. H.

Предисловие

" Ну и хитрец же Николай Андреевич!" — сказала я себе, дочитав пухленькую рукопись стихов.

75-летний автор из Агадыря, оставляя папку с машинописными страничками, не ставил никаких условий, кроме одного: " Хочу получить полноценную книжку". А уж право на расположение стихов и даже на литературную правку отдал нам безоговорочно: " Вы профессионалы, а я кто? Дед Хаттабыч из Агадыря. Что с меня возьмешь ?"

Но одно из своих произведений " дед Хаттабыч" как бы между прочим посвятил своим издателям. И в этой многостраничной поэме (35машинописных страниц!) он поведал, какой именно мечтает видеть свою книжку и почему ему так важно прижать стихотворный томик к своей груди.

По большому счету, автор почтенного возраста приглашал нас разделить радость его творчества — рассчитал, хитрец, что со-творчество исключает равнодушие, требует полного погружения в материал...

Некоторые стихи читались на одном дыхании, другие требовали возвращения к себе по нескольку раз. Несомненная ценность этого сборника в том, что автор включил в него стихотворения, написанные на протяжении всей жизни, с разным настроем. Мы решили поделить их на три раздела — не по дате написания (тем более, она не всегда обозначена у автора), а по тематике. Самый большой раздел -" О времени и о себе". Это не только личные воспоминания Николая Слепцова, но и отражение событий, которые

коснулись каждого жителя СССР: война, перестройка, распад Союза.

Николай Андреевич родился 7 марта 1937 года в ауле Кенбидаик Кургалъджинского района Акмолинской области. Отец погиб на фронте. В начальный период освоения целины Николай, окончив школу в Жалтыре, работал с матерью Анной Васильевной в сельском хозяйстве: он — комбайнером, она — штурвальным.

Затем была учеба в Акмолинском железнодорожном училище, по окончании которого в 1959 году Николая " призвала " слесарем железная дорога. Жизнь требовала от него развития мускулов, а душа просила творчества. Он писал стихи и " прозу жизни", став рабкором газет " Гудок" и " Целинная магистраль заочно окончил факультет журналистики КазГУ.

С 1973 по 1988 годы Николай Андреевич трудился в организации ГОРЕМ-29 треста " "Целинтрансстрой " начальником отдела снабжения. После ликвидации предприятия вернулся в депо и работал инженером по снабжению до ухода на пенсию. На протяжении всей жизни он не расстаётся с пером и бумагой: публиковался в журналах " Простор " и " Нива " и всегда мечтал о выпуске книг.

Это первый стихотворный сборник Николая Андреевича. По сути, это огонек его души, который он мечтает подарить самым дорогим и близким людям, чтобы их путь был долг и светел.

Светлана КОХАНОВА,
директор издательского дома " Классик"

О времени и о себе

Паслен

Пацанвой мы часто ходили к огородам
И едали там живительный паслен,
С той поры минули и прокатились годы,
Но да сих пор так помнится и ласкает он!

А вспоминаются не иначе как годы те военные,
Когда хотелось кушать нам, пацанве, всегда,
Почему и были мы у паслена пленные,
Доверившись мальчишками на многие года.

Как-никак, а утолял он наше голодание,
Бывало, рвали ягоду и несли с собой.
Дома наши матушки крутились да гадали:
Неужто это счастье им послано судьбой?

Но затем секреты, конечно, открывались,
Мамы оставались в довольстве и в себе,
Их пироги с пасленом к обеду появлялись
И казались праздником на праздничном столе.

Варились с тем пасленом и по утрам вареники,
А на сковородке пеклись и пирожки,
Как-никак, а мой паслен выступал соперником
Затирухе, полнившей домашние горшки.

И чугунок с картошкой, на плите стоящие,
В годы те военные то основной продукт,
Считалась затируха питаньем настоящим,
Сейчас мы уж забыли тот затирушный дух.

Вот моя деревня...

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Я стою в передней
И говорю с женой.

Жили в нем когда-то
Мой отец и мать,
А потом солдатом
Стал батька воевать.

Воевал под Брестом,
Под Ржевом, на Днестре,
С танком своим вместе
Был в огненном котле.

Но судьба хранила
Солдата Казахстана...
Только вражья сила
На Днестре достала.

Сложил батька голову
На горькой переправе,
О чем писало голое
Письмо о тихой славе.

Мол, был солдат героем,
Отважным был танкистом,
Он нещадным боем
Всюду бил фашистов.

Казахстанский тракторист
Знал свою работу,
Всюду огненный танкист
Шел вперед пехотой.

Шел, громя фашистский стан,
Фашистские орудия,
Героем батяня мой не стал,
Но жить в сердцах он будет.

В сердцах бывалых земляков,
Своих и кургальджинских,
Ушло то время далеко,
Но многим оно близкое.

Судьба бывшего солдата
Жить в сердцах обязана,
И для нынешнего брата
Пусть стихом рассказана.

Надо все же помнить это
Поколению нашему:
Журналисты и поэты
Расскажут неприкрашенно.

Расскажут чистой правдою,
С горечью и болью,
Как в жару с прохладою
Обливались кровью.

Собственной и вражеской,
Не жалея жизни,

Ради жизни княжеской
Собственной Отчизны.

Чтоб она в миру цвела
Для нас и для потомков,
Чтоб шагал наш Казахстан
Величественно, звонко.

В нем всяких наций несть числа,
Но все живут семьею,
У них великие дела
С судьбою и страной.

Мы видим в них большой полет
К высотам журавлиным,
Какой лишь к счастью приведет
Наш Казахстан единый.

Мне семь и пять

Говорила матушка в давние годочки,
Как ей точно помнится, родился я в ночи.
Тогда ж перед войною родилась и дочка,
Когда с землей, наверное, везде слились грачи.

Аульная управа метрику, как карту,
Вертела и сказала: сын ваш родился
Вовсе не восьмого, а седьмого марта,
А это означает, в мужчину удался.

Так и записали, и на том спасибо...
С той поры и длится мой нелегкий век,

Война мое детство, как многих, прокрутила,
Только не согнулся пред нею человек.

Он как-то вырастал с порушенного детства,
А потом стремился на хлеб и целину,
От трудностей целинных не спасался бегством,
С целинниками многими прославлял страну.

А у меня наклюнулось училище "железное",
После, как по карте, — Агадырь, депо.
Сказали по секрету мне, что депо - полезное,
Оттуда много лет не уходил никто.

Так вот и слесарничал пятнадцать лет ударно,
ШРМ осилил, а затем КазГУ,
Рабкоровские мысли ладил лапидарно,
Отчего и знался в пищущем кругу.

Ну, а затем дороги снабженца бесконечные,
Вложившиеся ровно в двадцать пять годков.
Годы оказались в снабжение скоротечные,
С ними и на "дембель" я был уже готов.

Годы пенсионные, как волны, покатались,
Накатав теперь уже ровно семь и пять,
Такому юбилею дома все молились,
Собирались шумно его мне преподавать.

Но я предупредил: никакой шумихи,
Посидим семейно, в маленьком кругу.
Пусть в стране известные отмечают лихо,
А мы в своей глубинке не станем гнать пургу.

Юбилейное

Как ты близка мне, милая старушка!
Мы с тобою прожили пятьдесят годков,
Семью мы не считали легкою игрушкой,
Беречь ее сплоченность каждый был готов.

Каждый - это мы и наши ребятишки,
Они уж нынче сами мамы да отцы,
Одна из них — писатель, создающий книжки,
А сын так на Алтае летал во все концы.

Дети жизнь сделали нам с тобой на радость,
Старческое сердце воспламенив любовью,
От нас, казалось, даже отступила старость,
А сердце так наполнилось обновленной кровью.

Бывают в нашей жизни счастливые минуты,
Когда из Барнаула нам от детей звонки:
Как вы, дорогие, сыты ли, обуты?
Мы с вами, дорогие наши старики!

Мы по вас скучаем и по вашей кухне,
С волшебным бешбармаком, тепле и баурсаками,
Наша страсть к ним с детства и теперь не тухнет,
Мы в Агадыре родились и росли с казахами.

Ходили в школу с Кадишой,
Макпал да Абдрахманом,
С Гюльчатай, Надирой, Сарой и Кузьмою,
Повзрослев, переживали любовные романы,
Какие завершались свадебной фатой.

Но жизнь при коммунизме многих разбросала:
Одни нашли пристанище в казахских Холмогорах,
Другие поселились в поселеньях БАМа,
А третьи недалече — в акмолинских просторах.

Пятьдесят годочков мы с тобою вместе,
В юбилей семейный к нам прикатили дети,
Ты так обрядилась в прежнюю невесту,
А я - так женихом, счастливейшим на свете.

На том, моя старушка, я поставлю точку.
А дети обольстили нас забытым поцелуем,
Тебя так обнимала дорогая дочка,
А сын меня заверил: мы все же повоюем!

Апрель, 2013 г.

Каражальцам

И сегодня я всей душою верю:
Нет для вас порогов и преград!
Там, где было лишь раздолье зверю,
Нынче вырастает город-сад.

Пусть бедна природа и сурова,
Но город ваш растет из часа в час,
Здесь все так юно, молодо и ново,
Здесь даже песни сложены о вас.

Куда ни кинь, стоят дома большие,
Из окон слышны музыка и смех,
Кругом улыбки милые, родные,
Как будто праздник на душе у всех.

Куда ни кинь, вокруг площадки, стройки,
На них рабочие, краны, леса.
Здесь будут школы, детские постройки,
За ними — шахты, фабрик корпуса.

Здесь, вздыбясь, встанут трубы заводские
И вешним цветом зацветут сады.
Нет, вас не сломят ветры огневые,
В вас живы явь, надежды и мечты.

Вам покорятся молнии и грозы,
Отступит степь, и к вам придет вода,
По вашей воле здесь зашумят березы
И хлынут наверх мрамор и руда.

По вашей воле недра Каражала
Свои богатства людям отдадут,
И будет больше хлеба и металла,
Чему залог - ваш неустанный труд.

1962 г.

Моя страна

Казахстан мой, рожденный веками,
Жил в миру и в нелегкой борьбе
С кочевыми и злыми врагами,
Жизнь давая себе и судьбе.

Он имел ширь степей неоглядную
И богатство несчетных коней,
А народ жизнь свою неприглядную
Вел в кочевье, в лазури степей.

Время все же кочевье сужало:
Любям жизни хотелось иной,
Им оседлость давала начало
Жить не небом, а жизнью земной.

Жизнь в домах молодых умиляла,
Ее приняли и старики.
Новый импульс оседлость давала,
Села стала расти, городки.

У гор синих со снежною шапкой
Вырос Верный в зеленом ковре,
Жизнь казалась здесь мирной и сладкой,
Яблок здесь как нигде на земле.

Акмола с речкой тихой Ишимом
Тихо строилась, тихо росла,
Потому не прошла ее мимо
Той эпохи в стране целина.

Целина повелела по праву
Акмоле быть целинной столицей.
Она стала растущей и бравой,
Чем могли казахстанцы гордиться.

А потом век Союза распался,
СНГ СССР погубил,
Край целинный без хлеба остался,
А ведь прежде он хлебом кормил.

С той поры годы- годы минули,
Поскакала аллюром страна,
Ветром свежести всюду подуло,
И тогда родилась Астана.

Казахстана то нынче столица,
Как светла она и молода!
Красотой ей бы с небом сравниться,
Но там боги живут иногда.

Потому красотой земною
Астана в новом мире живет,
Ее любит горячеею душою
Казахстана великий народ.

Учителю

Мы все учились понемногу,
Как сказал один поэт,
Только мы такому долгу
Не всегда шлем наш привет.

После школы забываем
Мы учителей своих,
Забываем и не знаем,
Какая боль у всех у них.

А боль у них одна и та же:
Как их учащийся живет?
Какой пример он в жизни кажет,
Как знания школы отдает?

Стезя учителя такая —
Детей лелеять и любить,
Им свою душу отдавая,
Жизни их всегда учить.

А у нас свое понятие:
Учитель не упомнит всех,
У него свои занятия,
Живет для собственных утех.

Качать права и наставленья,
Учить, как разум развивать,
Иде время брать для развлечения,
Как в ногу с временем шагать.

За всю учебную программу
Учителям — большой рахмет.
Жизнь ценит труд их многогранный,
А мы, по правде, часто нет.

За то, что в нас, спасибо школе,
Спасибо всем учителям,
Спасибо их уму и воле,
Их педагогическим страстям.

Деревенька моя...

Деревенька моя в Казахстане есть,
Гляжу на нее я, рукой прикрываясь,
В ней смалу росли мои дух и честь,
Здесь планам моим синева улыбалась.

Нынче деревенька — даже не колхозница,
И ее улыбка временем забита.
Может, мое сердце к ней оттого не просится,
Что она безлюдна и к ней пути закрыты?

А ведь она, бывало, целиной жила
И дышала ширью распаханых просторов...
Ах, как же ее радовали хлебные дела!
О хлебе здесь повсюду и клались разговоры.

А хлебу и потребно было облако с платочек,
С дождями проливными, чтобы лились рекой,
Рождали хлеб целинный, с ним сынов и дочек,
Чтоб были у целинника богатство и покой.

Нынче деревенька целинная без песен,
Нет у ней пельменей, покосов и грибов,
Нет у ней веснушек, как нет и самих весен,
Нет, как прежде, улиц, даже нет домов.

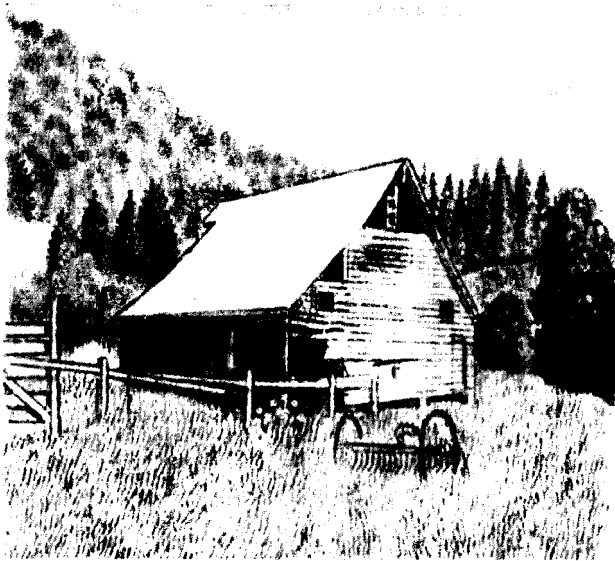
Труд хлебороба начинался в детстве:
Я помогал родителям в колхозной борозде,
Гордился я, что был в колхозном братстве,
Хотя и был мальчонкой, а попевал везде.

Я вилами ворочал скошенное сено
И лемех очищал от налипшей грязи,
А летом утопал я в колосьях по колено
И никогда не метил стать каким-то князем.

Просто я любил свой край Кенбидаикский,
Любил просторы хлебные аж до Кургальджино,
Рос во мне не иначе как пахарь молодецкий,
В целинный век и вправду мне было все дано.

Водил я трактора ДТ полста четыре
И комбайном "Сталинец" убирал хлеба.
Целина, как многим, мне не казалась гирей,
Быть на ней хозяином мне ведала судьба.

Теперь же целина со своим убранством,
С домами и дворцами тихо умерла.
Умерло и прежнее в хлеборобстве братство...
Возродит ли жизнь их, да и вся страна?

О нас и СНГ

Я забыл, как волнуется море
И какая при ветре волна...
И целуются ль с волнами зори,
Когда всюду стоит тишина?

Не бывал я на море лет двадцать,
В том вина не моя — СНГ!
Нынче в Сочи иль Ялту податься
Можно только лишь в радостном сне.

Ах, зачем СССР развалился,
Все республики враз разделив?
Вместо них СНГ родился,
Породивший искусный нарыв.

Три славянских политика в роще,
Авторучки и рюмки сомкнув,
Посчитали: республике проще,
Кто свободе своей присягнул.

Вот и стали, вкусив ту свободу,
Нынче каждая — солнце в себе!
Своему оно светит народу,
Оно в каждой стране и в судьбе.

Его флаги свой ветер колышет,
Все в республике каждой — свое,
Чем питаются люди и дышат,
Землю славя свою и житье.

Мир своей проживает отрадой
И своею надеждой живет,
СНГ же, как будто в ограде,
В мир со всеми попутно идет.

Казахстан и Москва с Украиной
Ускоряют по миру шаги,
Остальные в пространстве невинном
Нарезают пока лишь круги.

Где конец их крутого круженья?
Даже Бог с поднебесья не зрит.
СНГэвцы не ждут одолженья:
СССР их никак не манит.

Союз прежний устраивал каждого —
Та же воля и та же любовь,
Жизнь смыкалась во всем не однажды,
И не раз лилась общая кровь.

СНГ ж в большинстве непонятен.
Двадцать лет, и в сегодняшний миг
Обтекаемый он, неохватный,
Полный всяких шарад и интриг.

СНГ, как космический сгусток,
Лишь названьем в народе живет,
В нем, посмотришь, и пусто, и грустно,
И куда он на деле идет?

Станет ли преподобной Америкой
Иль, как прежде, большим СССР?

Иль жить станет новыми мерками
На свой страх и свой новый манер?

Жить своею крутою свободой,
Независимость в мире храня?
И все же больно сегодня народам
Видеть только родные края.

* * *

Мне побывать на море позарез как хочется,
Но разве нам позволит сегодня СНГ?
Я - казахстанец с паспортом, именем и отчеством,
Но дружелюбие прежнее где? Скажите, где?

Как пробиться в Сочи иль морской Сухуми?
Ну, а в Севастополь? Дорогой, забудь!
Ах, прошлый СССР мы помнить долго будем,
Как и надежду каждого, его мечту и путь.

Теперь лишь со своею ты деревенькой связан,
С весенними рассветами и росною зарей.
Они с тобой с младенчества, ты их любить обязан
И по утрам встречаться с противной мошкаррой.

Встречаться в хлебном поле с золотой пшеницей,
С седыми ковылями и запахом степи,
А море где угодно тебе лишь только снится,
И снова говоришь себе: "Терпи, браток! Терпи!"

Частушки-житушки

Написал письмо в Россию,
Точно душеньку отвел,
Отыскал конверт красивый,
А вот марку не нашел.

Исторически сложилось,
Что Союз отдал концы,
С ним и люди разлучились —
Братья, сестры и отцы,

Дети, матери, товарки,
Дяди, тети и друзья...
Вот и требуют марки,
Чтоб писать во все края.

Письма связывают дружбой
Людей теперь чужих границ,
Для связи многого не нужно:
Написал — и жди девиц.

У калитки, у порога,
С толстой сумкой на ремне
Почтальонши — все от Бога,
Что известно всей стране.

Но писать в Россию стало
Сущим разорением:
Марки вновь подорожали
В теньговом измерении.

А хотелось бы писать,
Не жалеть на это силы,
Чтобы славить нашу власть,
Наш прогресс необратимый.

Марка, может быть, начало,
Безобидный беспредел,
Только этого нам мало —
Видно, есть еще задел.

Жизнь становится дороже,
Горб свой надо крепко гнуть.
Нет теньгушек? На свет Божий
Не дадут тебе взглянуть.

Те ж больница и аптека,
Образовательный процесс...
У страны до человека
Не тот нынче интерес.

В целом все нам недоступно:
Коль живешь, за все плати.
Пусть то будет и преступно,
Но народ за все простит.

Все он вынесет, страдальный,
На своих худых плечах,
Он силен степной моралью,
Лишь тоска сквозит в очах.

Детские вопросы

Рассуждают дети:
Есть ли Бог на свете?
"Есть ли Бог на свете?" —
Спрашиваю я.
Где у Бога хата,
Какова зарплата,
Где его святая
Родина, семья?

"Ездит Бог в карете? —
Спрашивают дети. —
Он, как мы, курносый?
И как его зовут?"
Верные вопросы,
Смелые вопросы,
Погадать-подумать
Дети задают.

"Сколько зим и весен, —
Детские вопросы, —
Надо, чтобы к Богу
Долететь, дойти?
Можно ль на ракете
В бесконечном свете
Среди звезд хрустальных
Бога нам найти?"

"Сколько лет на свете, —
Спрашивают дети, —
Прожил Бог курносый
На своем веку?

Можно ль на ракете,
Мам своих упросим,
Полететь нам в гости
К Богу-старику?"

"Ходят ли ребята
Бога - боженята —
По утрам небесным
Во дворе гулять?
Есть ли у них книжки,
Есть ли шалунишки?"
Очень интересно
Все о Боге знать!

"Дети, Бог на небе
Думает о хлебе
Для людей планеты
По имени Земля.
Почему тогда же
Голодают дети
В современном свете?" —
Так думаю и я.

С сотворенья мира,
Человека, тварей,
Бог один на свете —
Владыка и Пророк.
Только почему он
К людям так коварен,
Не внимлет их молитвам,
Дерзок и жесток?

Зачем Христос великий
Слал на златоглавую
Русь половцев с поляками,
Немцами да шведами,
Татарву монгольскую,
Что многих обезглавила,
А там раздоры русские
И по сей день? Неведомо.

Зачем послал он миру
Батю, Чингисхана,
Поле Куликово и Бородино,
Гитлера с компанией,
Всяческих султанов,
Сталинские жертвы?..
Богу все равно?

Зачем ему, Всевышнему,
Японские страдания
С атомными взрывами
Среди живых людей?
А напалм на головы
Вьетнамцев, их стенания?
Родилось все это
В Божьей бороде?

Ну, а теперь сирийские,
Афганские потери
Ценностей народных,
Смерти всех живых.
Воины Америки,
Сравнившейся со зверем,

Ищущие жертвы
В просторах мировых...
Бог во всем всесилен,
Но отчего бессилен
Прекратить он в свете
Хвори и войну?
Почему тогда же
Старики и даже
Молодые люди
Молятся ему?

Верить нынче в Бога,
В век цивилизации,
Тем паче, в СНГэвский,
Неспокойный век,
Может у нас каждый,
Будь он и в прострации,
Простой и интеллигентный,
Каждый человек.

Так детям мы и скажем:
"Подрастите, детки!
Пусть Бог пошлет вам счастья,
Здоровья и добра.
И пусть вас охраняет
От всякого ненастья
Посланная Богом новая пора!"

Бог небом управляет,
Солнцем и ветрами,
Судьбами людскими
И жизнью на земле.
Он беспощаден к нехристям

С церковными врагами
И кроток к тем, кто с Богом
И верю в себе.

Ну, а видеть Бога
Никто в миру не может:
Так повелось на свете
С рожденья человека.
Человек не иначе
Как сам себе поможет,
Считая себя Богом
От века и до века.

О прошлом и настоящем

Достоин он проклятия, и его рождение
Надо бы проклясть, и его судьбу —
За то, что слал он многим дурное наваждение
И видеть их был рад только лишь в гробу.

За то, что в гроб вогнал миллионы жизней
"Врагов народа" разных, хозяев-кулаков.
Вождь был под гипнозом тупого атавизма,
Он не жалел ни женщин, ни детей, ни стариков.

Под пули шли невинные в СССР страдальцы,
Фамилий всех сегодня просто не назвать;
Политику же вождя внедряли все паяцы,
Свой номер исполняя не меньше как на "пять".

Гибли журналисты, писатели, артисты,
Директора заводов, фабрик, МТС,

Колхозов да совхозов, большие активисты:
По сталинским понятиям они рождали стресс...

А СНГ беспутное нам обошлось без крови,
Но что в миру являет СНГ собой?
Не иначе, то дьявол без сердца и без воли,
Кому нельзя доверить ни честь, ни мир, ни бой.

Что может это самое СНГ воздушное?
Ведь у него нет стойбища, даже нет границ,
У него и имя-то по смыслу равнодушное,
За что пред белым светом нам надо падать ниц.

Что это СНГ собою нынче кажет?
Это не республика, ни страна, ни штат,
Мир планеты нашей СНГ лишь мажет
Оттого, что состоит лишь из одних цитат.

Он, по мнению многих, целеустремленный,
Он и независимый, и на своем пути,
В поставленных задачах он неугомонный
И счастье свое сможет лишь сообща найти.

А сообща — то значит всем объединиться
И жить, как было прежде, единою страной?
А то объединение родит свою столицу,
Какая, может, будет вовсе молодой?

Была у нас Москва-старушка златоглавая,
Считавшаяся матерью для всей большой страны,
Во всем СССР она считалась главной,
И дети для нее были все равны.

Дети Казахстана и Беловежской пуши,
Киргизии, Армении и Горного Кавказа,
Таджикии с Туркменией жизнь не искали лучше
И не просили Бога избавить их от сглаза.

Наверно, СССР мы помнить долго будем,
Будем помнить долго и Москву все ту,
Кремль с Мавзолеем уж точно не забудем,
И вокзал Казанский, что вел нас в Алма-Ату.

Теперь былую жизнь СНГ сменило...
К друзьям бывалым нынче никак не попадешь,
Нынче, как бывало, за шилом да за мылом,
Да и за любовью с границы не шагнешь.

Не шагнешь: повсюду возведены границы,
В поезде Россия устраивает шмон,
Казахстан взаимно не глядит на лица —
Шмонает их вещички, как пес, со всех сторон.

Грузины зажимают светлую Абхазию,
Говоря, что таковой на свете больше нет.
Такого не допустим мы тупого безобразия:
Абхазия есть Грузия, в том и весь секрет!

Чечня перед соседями свои права качает,
С Россией и Осетией свою культуру гнет,
Напряженья всякие повсюду нагнетает,
Не ведая, что новый век без СССР идет.

Куда нас приведет СНГ невнятное?
Прежние республики оно объединит?
Нынче ж СНГ — это непонятное,
Есть ли для проживания у него лимит?

О пишущей машинке

Прошел все магазины Агадыря родного,
В самой Караганде немало наследил,
Машинки пишущей, отсталого такого
Товара свет не видел, он теперь не мил.

Подумал продавец: пенсионер с доходом
Не может разориться на ноутбук крутой?
Коль нужно — может, сократив расходы
На жизненный уклад свой и на хлеб с водой.

Да дело не в расходах, а в бумаге:
Стихи другие в электронном виде.
И потому я на машинке малой,
Стучу проворно — Бог и муза видят.

Кажись, недавно, до волны компьютеров,
Печатная машинка в ногу с жизнью шла,
Она порою судьбы гнула круто,
Вмещаая в свои тексты различные дела.

В одних есть указание — наградить доярку,
В других — убийцу к стенке и тут же расстрелять,
В третьих — поощрить талант актера яркий
И наградить отважную героиню-мать.

С писчею бумагою мы истинные боги,
Я с этою машинкой пол-Земли прошел.
Белый свет о ней не ведает тревоги:
Ему с ноутбуком нынче хорошо.

А ведь с машинки этой сошел "Василий Теркин",
"Молодая гвардия" от нее пошла...

Клацанья машинки лишь теперь умолкли —
Компьютерная техника все на себя взяла.

И все же не позволим клацанью машинки
В компьютерное время сгинуть, умереть.
Мы машинке писчей не станем петь поминки —
Она должна работать, учиться, жить и петь.

Блажь лиричная и песни

Грустинка

Соловей-кудесник,
Ты любви ровесник,
То грустишь со мною,
То поешь, поешь...
Что же ты, кудрявый,
К своей малой Клаве,
К своей нежной Клаве,
Как прежде, не идешь?

Иль забыл тропинку
К иве-сиротинке,
Где свиданья наши
Были горячи?
Где же ты, кудрявый,
Джентльмен мой бравый?
Гаснут золотые
Звездочки в ночи...

Соловей-кудесник
Не пропел мне песню,
Он и я и ива
В грусти до зари.
Занялося росное
Утро сенокосное,
Вышли в поле-полюшко
С песней косари.

Я иду тропинкой,
И мою грустинку
Отогнать не в силах
Даже соловей.

Не пришел, кудрявый,
Джентльмен мой бравый:
Видно, не поверил
Он любви моей.

1995 г.

Весеннее

Морозы свою вахту отстояли,
И солнце зачастило к нам в окно.
Снежные метели отгуляли,
И запахло раннею весной.

Дышат ею улицы, витрины
И сбросивший шубейку человек,
Пусть Наурыза только половина,
А у весны — водоворотный бег.

Улицы лужайками сверкают,
Тротуары шпильками стучат,
Парни свои кепочки снимают,
И улыбок больше у девчат.

Малышня у школ — в своем угаре,
Столько в ней веселья и возни!
И в домах Высоцкий на гитаре
Из окон призывает: "Черт возьми!"

Как же по весне поются песни,
И у прохожих светится душа!

Им нисколько не сидится в кресле,
Потому как жизнь хороша!

А под стрехами все громче щебетанье
Птиц залетных и подкрышных своих.
Ах, весна, ты — жизнь и желанье
Судеб птичьих, судеб и людских!

Дайте мне любовь

Я красивая, я красивая,
Смоляных бровей не стесняюсь я,
Только в двадцать лет
Друга нет и нет,
Но большой любви
Не пугаюсь я.

Я с березкою посоветуюсь,
Где искать любовь ненаглядную,
Где звучит гармонь,
Согревая кровь,
И любовь зовет окаянную.

А березка мне не ответила,
С ветерком в ночи
Лишь шепталася,
И густой листвой
Под седой луной
Что-то мне сказать
Все ж пыталася.

Ах, понять ее нету силушки,
Но листва ее гладит косоньку
Значит, есть любовь,
Что волнует кровь:
Повидаться б с ней,
Пусть и плохонькой!

Я красивая, я красивая,
Но любовью я не повенчана,
Научите жить
И любить, любить,
Дайте мне любовь,
Только вечную.

В лесу родилась елочка

В лесу родилась елочка,
Радую людей.
Соседние сосеночки
Красовались с ней.

Снежинки украшали их
Волшебной красотой...
Однажды пареньков троих
Привлек сей бор густой.

И парни потихонечку
Раскрыли свой мешок,
Срубили елочку
Под самый корешок.

Не по одной на каждого —
По десять на лицо.
Такие эти граждане,
Ослушники отцов.

На елочки-сосеночки
Друзья имели вид:
Под Новый год тыщоночки
Взбодрят их аппетит.

Но не дремал лесной патруль:
Парнишки в "воронке",
Едят казенное "буль-буль"
В колючем далеке.

Мораль сей правды просится
Концовку завершить:
На дармовщину бросишься —
На нарах будешь жить.

Женщине

Нас, мужиков, хоть в золото одень
И научи культуре под завязку,
Но мы не станем похожи на сирень
И прекрасной девой не сойдем из сказки.

А они умеют и детей рожать,
И сердцем согревать и жизнь, и жилище,
И опять мужчин же силой заряжать,
И от дома гнать всякие чудища.

Женщины у нас небесам под стать:
Свет от них исходит, радость и тепло,
Они способны даже птицею летать,
Ведь им такое Богом и жизнью дано.

Вот они проходят где-то встречно-мимо,
Статностью своею влюбив и небеса.
Да, они повсюду природою любимы,
Потому как послана на них земли краса.

Нет, к женщине-таки мы несправедливы,
Не к жене-невесте, а в целом, вообще.
Они во всем, как боги, божественно красивы —
В характере, в работе, в песне и в душе.

Учительница с классом и вечными тетрадками,
Врачиха в одеянии с близкой своим
Воспитатель в садике с ребятами,
и Певица, схожая на сцене с соловьем.

Завидны в магазинах наши продавщицы,
извечная ткачиха ткацкого станка,
На новостройке с краном крановщица,
Ковровщица с нитью и пряжей у волна.

Красотка примет наши телеграммы,
Почтальонша почту принесет,
Теледикторша прочтет свою программу,
Швея изысканную блузу нам сошьет.

Каждая из них, к тому же, еще мама,
За что и следует ей низко поклониться

И отдать внимание по граммам,
Чтоб человечек мог на свет еще родиться.

Нынче, в праздник чарующих страстей,
Женщины не иначе, как розы по весне,
Они собой жизнь и мужчину красят,
Они — надежда наша в жизни в стране.

Ах, женщина! Всех благ тебе и счастья,
И поклоны всех мужчины Земли!
Пусть обойдут тебя невзгоды и несчастья,
А боги чтобы счастье и с небес несли!

5 марта 2013 г.

Тракторист

Выйду в поле золотое,
День пригожий так лучист.
Косит в поле рожь густую
Мой Ванюша-тракторист.

Косит Ваня днем и ночью,
Сон и отдых потерял,
Ведь не зря его по почте
Сам аким наш поздравлял.

Зря хожу я мимо окон,
Жду Ванюшу у плетня,
Видно, землю полюбил он
Горячее, чем меня.

Желания

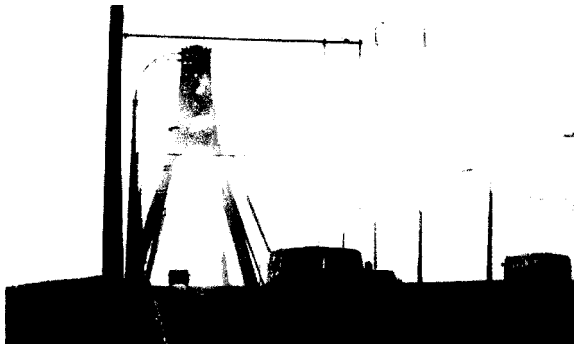
Я хочу шофером, бригадиром,
Настоящим каменщиком стать
И на стройке: "Майна! Вира!" —
Крановщице весело кричать.

Подвези-ка, милая, быстрее
Кирпичи, известку и раствор,
Будет после смены веселее
У меня с тобою разговор.

Быть еще хочу первопроходцем,
Невиданные земли открывать,
В телескоп следить за нашим Солнцем,
На Луне с семьей побывать.

Хочется еще быть инженером,
Стать ученым и писать труды,
А еще хочу стать кавалером
Золотой заслуженной Звезды.

1962 г.

Рассказ бывалого почтальона

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку.
Теперь я в деревне — старик стариком,
Один со своей коровенкой.

Старуха моя так давно померла,
Пускай ей земля будет пухом.
Старуха любимой супругой была,
Бесценной Калюжной Варюхой.

Жили мы с нею, как два голубка,
В гнезде своем деток растили,
Было то счастье нетленно, пока,
Пока нас на фронт не забрали.

Война та с фашистами гиблой была,
Но русский солдат не сдавался,
В нем вера в Победу, как в Бога, жила,
За них он героически сражался

Мы били фашиста смертельным огнем,
Бывало, и нам доставалось,
Однако мы знали: мы верно идем,
В нас вера в вождя оставалась.

Мы бились нещадно с заклятым врагом,
С российской земли его гнали,
Солдатским бывалым своим сапогом
За ним пол-Земли прошагали.

Шагали упорно, и фрица в боях,
Победно свалив, уложили...

А дома так ждала родная семья
Да детки, что в садик ходили.

А дальше — работа: опять почтальон
С моей ямщиковской замашкой.
Жизнь не журил, не искал миллион,
Был просто душой-старикашкой.

Знал, кому пишут дочь, сыновья,
Кого не обошла похоронка,
Кому шлют приветы фронтовые друзья,
У кого на сносях коровенка.

Приятно мне было телеграммки носить
Все больше они с поздравленьями,
В каких пожелания жить, не тужить,
Приветствия с их юбилеями.

Ну, юбилей — это дата из дат,
Приятно, когда поздравляют!
Ладно, когда тебе шестьдесят:
Таких молодым называют.

А так полдеревни — сплошное старье,
Восьмерки давно разменяли,
И ничего: каждый в хоре поет,
Такие вот люди бывали.

Юбилеи, поверьте, дата что надо:
Летят и летят поздравления,
Жена так готовила торт с шоколадом,
А закусь — одно объединение.

В деревенские лавки не надо ходить —
Там деликатесы кусаются.
А свой огородик готов прокормить
Всех, кто к нему прикасается.

Умелый хозяин с подворья возьмет
На зависть богатство кулацкое,
Коней и барашков в степи разведет,
Вот и будет богатство казахское.

Молодым да женатым, конечно, легко,
Их мысли блаженно порхают.
А тут коровенка, телок, молоко,
А мысли так прочь убегают.

Только, бывает, в полночной тиши
Стихи без раздумия будят
И говорят: "Ты в "Простор" напиши,
А там что и будет, то будет!"

Я как послушный пенсионер
Голосу свыше никак не перечу,
Сажусь и пишу на мужицкий манер,
Доверив "Простору" и стих свой, и вечер.

Что агадырцу подскажет журнал?
"Перо твое, друг, без культуры!
В стихах твоих виден сплошной балаган
С наличием ненужной халтуры".

Музыка песни - то песня души,
Поэту ж важна больше песнь поэзии,
Песнь в себе он не вправе глушить,
Как не вправе давать себя мочить болезнью.

И я свою песнь, друзья, не глушу,
Только наш Казахстан этой песни не знает...
Все равно я Всевышнего часто прошу —
Пусть поэзия рядом со мною витает.

Надо мной и во мне, на любой стороне
Пусть стихи мои тихо рождаются,
Своей жизненной правдой в тебе и во мне,
В каждом друге моем отражаются.

И может, в "Просторе" мой стих промелькнет,
Время стихам и "Простору" подвластно,
Какую-то славу на душу прольет
И сделает мысль агадырскую ясной.

О себе говорю: "Старик ты, Тарруций!
Как Лоренцию юную, ты свой стих полюбил.
Только, как форвард тяжелою бутсой,
Загнал его в сетку и чуть не сгубил.

Но слово твое все спешит на свободу,
Гумилеву поверим, что слово — то Бог.
Слово всегда шло в народ и к народу,
Но ты в одночасье ему не помог".

Но все же в поэтике я пробую силы,
Чем занимаюсь уже не впервой,
Стих и рассказы меня заносили,
Только я путь выбираю лишь свой.

Мир как-никак, а поэтов читает,
Вниманье, конечно, на то обратив:
Серятина в книгах была и бывает,
О чем и Невада с тоской говорил:

"Жалко леса на серые книги,
Жалко солнца для высохшей ветки,
Жалко жизни для глупых идей,
Жалко слов для плохих людей".

Нам бы, писакам, помнить об этом
И в назидание в голову взять:
Будь ты не серым, а умным поэтом,
Тебя оттого станут чтить и читать...

Я вам говорил, что на почте служил
Ямщиком, что из песни забытой,
На деле и впрямь жеребец у нас был
Стройный, красивый, отмытый.

Он не служил далеко до войны,
Войну переждал и дождался,
Без меня так возил кирпичи, валуны,
В хозяйстве почтовом общался.

Потом мы друг друга вновь обрели,
Любовь у нас с ним беззаветная,
Так и до "дембеля" оба дошли,
Оставаясь, как было, приветными.

Вам же, друзьям, я-таки поклонюсь,
Что меня вы в глуши отыскали,
Стану потребным, опять появлюсь,
Ведь не все обо мне вы узнали.

И вы еще что-то черкнете в печать
Обо мне, моей жизни военной.

Может, и впрямь людям хочется знать
О жизни простой во Вселенной?

Время пришло: пост скромный свой сдал,
Став новым в селе зейнеткером,
Долюшки легкой нигде не искал
И даже прослыл кавалером.

Но Варюшу свою я забыть не могу:
По дому без женщин справляюсь,
Память о ней я в душе берегу,
Год вдовцом в жизни маюсь.

Вы говорите: несладко мне жить,
Корова так вовсе обуза,
Рогатой зачем в наши дни дорожить,
Когда в магазинах питания от пуза»

Нет, ради коровки на что не пойдешь?
К карману такая прибавка!
Лишку сегодня не шибко найдешь,
А и барыш, и добавка!

Дети, конечно, кличут к себе,
Райскую жизнь обещая,
Но не хочу я перечить судьбе —
С Варюшей быть рядом желаю.

А что там у деток? Машины, асфальт
Да толкотня несусветная.
А тут тишина — в самый раз для стишат,
Мечта для поэта заветная.

Хобби мое — тоже что-то писать:
Рассказы, стихи... Даже более,
Хотел бы о жизни своей рассказать,
Что стало и впрямь моей болью.

Ту боль устранив, роман написал,
Не зная, куда с ним податься.
Перо лет с десятков кусал и кромсал —
Так, видно, все книги рождаются.

Конечно, по жизни я есть почтальон,
Но теснят меня часто стихи и рассказы.
Стих так, наверно, природой рожден —
Он донимает годами и сразу.

Как мне от них отойти, не пойму,
Где взять сил, чтоб замаять это хобби?
Они часто уносят во свет и во тьму,
Что по жизни зовется хворобой.

А годы, парнишки, нас не бодрят.
С годами мы резвость теряем:
То ноги скрутило, то почки болят —
Вот так мы в тиши помираем.

Но я не желаю тихонько заснуть
Сном неожиданным, вечным.
Хочу, чтобы около был кто-нибудь,
Хотя бы рассказчик беспечный.

Пусть будет усердный товарищ-медбрат,
Какой и глаза мне закроет,

А за окошком пусть дети шумят,
И в поле волчица завоет.

То будет по мне предпрощальная боль,
Я, может, и тем успокоюсь.
Я в жизни исполнил нелегкую роль,
Пред вами о том и откроюсь.

А роль та была — жизнь красиво прожить,
Белый свет повидать, родить сына,
Чего не случится- не слишком, тужить,
И считать в том судьбину

Белый свет-СССР я-таки повидал:
Был в Одессе, Ростове, Грозном, Беслане,
В Киеве, Минске, в Москве побывал,
В Питере, Нарве и Абакане.

По улицам Вильнюса узким бродил,
Коростень дважды со мною общался,
Куйбышев тихо ласкал и бодрил,
Оттуда в Рязань направлялся.

Свердловск почему-то считался моим,
Так я неделю корпел над заданием.
Тагил, тот и вовсе тасовал мои дни
В почтово-снабженческом здании.

А из Абакана в Минусинск я попал,
Навестил даже Ленина ссылку,
Кедровые шишки в лесу повидал
И даже собрал на посылку.

Был в моей жизни Актюбинск, Чимкент,
Были Ташкент с Костанаем,
Был Аркалык, Жезказган и Манкент
И городишки Целинного края.

Алма-Ату я и вовсе любил,
Здесь я на заочке учился...
После учебы не выросло крыл,
Вот так я в глуши очутился.

Месяц корпел в Черногорске сибирском,
Мочил в Енисее колени и пятки,
Ходил, любовался седым Красноярском
И даже рассвет обнимал из палатки.

В Новосибирске, бывало, с заводом общался,
Какой слал продукцию для Казахстана,
В Оби знаменитой с душою купался,
Звонил производству: чего еще надо?

Хочу напоследок спасибо сказать,
Что меня вы в глуши не забыли,
А кто-то из вас обещал написать,
Как в жизни Калюжные жили.

Ну и спасибо за добрый совет
И за подарок — "афганку"-сорочку.
О вас же, друзья, я оставлю свой след
В "Просторе" слепцовскими строчками.

Им до талантливых не дотянуться,
Но в них мои дух и отрада,

Какие дают мне с зарею проснуться
И крикнуть: "Другого мне в жизни не надо!"

Я рад, что со мною моя Гюльчатай,
С како жизнь вместе пытаю
Какая не кличет меня на Алтай,
Где сын наш с семей проживает

И кличет к себе на житье и бытье
В своих просветленных светлицах.
Но Казахстан — это счастье мое,
С моею березкой-девицей.

С моей Астаной и Алматы,
С моим Алатау и Костанаем,
В каких сохранились родные черты —
Черты моего Казахстана.

Ну и давайте закончим наш той
Добрейшим для нас пожеланием.
А нашей поэзии, как небо, святой
Пожелаем повсюду признания!

Я люблю степь

Я в детстве часто наблюдать любил,
Как солнце землю на заре ласкало,
И я один степями уходил
Туда, где небо в красках полыхало.
Я шел один заросшею тропею
На край земли, где розовел восток,
Где расстилался легкою целинной пеленою
На горизонте дремлющий дымок.
Вокруг меня с кузнечным стрекотаньем,
С бесшумным треском плыли ковыли,
Я шел и шел с сердечным замираньем —
Увидеть край и солнца, и земли.
Я шел, а солнце выше поднималось,
Как будто спрятаться хотело в синеве,
И с высоты мне нежно улыбалось,
Искрилось бисером в траве...
А степь катила ковыли седые,
Как море катит легкую волну,
И я, расставив руки молодые,
Подобен был плывущему челну.
Увидеть край земли не удалось мне,
Но я был рад седому ковылю...
С тех пор я степь с ее разноголосьем,
Ее простор, мой Казахстан люблю.

2012 г.

Сердобольный Лев

В одном лесу, каких у нас немало,
В чащобе старых и молодых деревьев,
Среди движенцев и ремонтного состава
И прочего лесного персонала
Начальником был Лев.
Любил владыка львиною любовью
Свой тихий лес и весь лесной народ,
И, как при сварке электрод,
Он прикипел к ним и душой, и кровью.
Он знал, чем дышит лаборант Сова
В своем жилье у дуба на макушке,
Что Еж-посыльный дерзок на слова,
И что не прочь посплетничать Кукушки.
Он знал давно, что ловкий мастер Волк,
Забравшись с прочими зверями в буреломы,
Сосет частенько с ними крепкий сок
И тайно от Волчицы в дальний лог
Заглядывает к Лисоньке в хоромы.
Знал также Лев повадки Глухарей —
Они и впрямь к его приказам глухи,
И что ремонтник-Муравей
Частенько в дни рабочие "под мухой".
Знал царь зверей замашки Воробья,
Раздатчика в лесной инструменталке:
Летает плут в соседние края
От Воробьихи к чернокрылой Галке.
А мастера Медведь, Косой и Крот,
Проигнорировав служебные заботы,
Махнув рукой на весь лесной народ,
Забравшись в дебри, пьют и сок, и мед,
Забыв о лесе и лесной работе.

Сердился Лев, кричал и разносил,
Грозился всех прогнать в другое царство,
А к вечеру, почти лишенный сил,
К тому ж Медведю в гости шел и пил
В его берлоге крепкое лекарство.
А надо бы запомнить, между прочим, Льву
И сделать на носу своем зарубку,
Что Лев он только по обличью своему,
А сердце у него, как у Голубки.
Еще припомнить надо бы Крылова,
Его герои продолжают жить:
Не все еще там вес имеет слово,
Где нужно власть употребить.

2005 г.

Осенние мотивы

Ах, какая осень по стране шагает!
Солнце, как и прежде, белый свет теплит,
Желтый лист с деревьев тихо падает
И над землей в безветрии нехотя кружит.

В прошлую осенность осень лишь дождила —
Тогда не прогуляться по золотой листве,
Небо и светило душу холодили,
Холодя и думы в горячей голове.

Нынче ж облачаешься в легкую ветровку
Без поддевок всяких, с утепленным ворсом,
И идешь с соседом встретить коровенку
С пастбища далекого, с близкого покоса.

А жизнь-таки идет, обласканная небом,
У меня в поселке — довольство и тепло,
У соседа-друга снова пахнет хлебом,
Домашний хлеб — искусство, мы пробуем его.

В нашей деревеньке народ гостеприимный,
Щедрый на душевность, подарки и простор,
Он и с незнакомцем дружеский, взаимный,
Ему с любым пришельцем приятен разговор.

Он при встрече будто расправляет крылья
И будущее видит светлым, как в раю,
Он верит, что и сказка когда-то станет былью,
О чем я с ним попутно о том же и пою.

Письмо

Здравствуй, дорогая!
Я на тебя в обиде
За то, что ни привета,
Ни ответа нет.
Написать желанье,
Я ведь не в Мадриде,
А на великой стройке —
Тебе то не секрет.

Ты меня ругаешь,
Что часто я кочую,
Что у меня довольно много адресов,
Что ты ко мне б примчалась
На стройку, но какую?

Там снега большие,
А там и то, и се.

Ты как-то упрекнула:
Зачем мне эти стройки,
Зачем мне эта вечно
Кочующая жизнь?
Что у меня ни дома,
Ни семьи, ни койки,
Что ни подруги рядом,
Что годы пронеслись.

Ты пишешь, что забыла,
Где я обитаю.
Что я строю снова —
Канал, водопровод?
Вот мой адрес новый
Письмом пересылаю:
Астана-столица,
Казахстан, завод.

Я живу, родная,
В пристепном раздолье,
В городе-красавце,
Юном по годам.
Все здесь молодое,
Дорогая Настя:
Город, люди, стройки,
И я молод сам.

Приезжай, родная,
В гости приглашаю!

Астана приветствует
Дорогих гостей.
Жду я писем нежных
И вестей хороших,
От моей пригожей
Жду и жду вестей.

Если ты большую
Дружбу не забыла
И любовь святую
В сердце бережешь,
Где б меня по стройкам
Юность ни носила,
Ты меня услышишь,
Ты меня найдешь.

Пусть не страшат, родная,
Тебя снега и бури,
Адрес мой, Настюша,
Стране известен всей:
Ищи меня повсюду,
Где трубы заводские
И первые палатки
На утренней росе.

В другом краю, родная,
Ты меня не сыщешь:
Жизнь моя всецело
Стройкам отдана,
Чтоб росла и крепла,
Веселилась, пела
Дорогая сердцу
Казахстан-страна.

Частушка-прозимушка

Эх, частушка-прозимушка,
Чаще к людям приходи,
Зло бери себе на мушку,
Недостатки находи.

Вот опять зима грозитя,
Ну, зима — не привыкать,
Кто в жилье своем гнездится,
Ей того не напугать.

Но придется по сусекам,
Это уж не трын-трава,
Поискать не для утех
Уголь, кизячок, дрова.

Коль их нет — забей тревогу,
Время давит, не зевай!
Загодя в свою берлогу,
Обогревь доставай.

Доставать? Склады поселка
И просторны, и пусты:
По ним прошлась метла-метелка
Минувшей матушки-зимы.

Теперь кляните себя, власти,
За малый топливный задел,
Хоть разорви ты их на части
За бесхозный беспредел.

Нас жизнь многому учила,
Учила и глядеться вдаль,
Но мы медлительны без мыла:
Таков наш стиль, друзья, а жаль!

А коли печь в избе теплится,
А за окном зима, зима,
Стих может тут же народиться:
Тепло — блаженство для ума.

В тепло я верю пролюдское,
В мой незабвенный тихий край,
И в его небо голубое,
В мой Агадырь, какой мне рай.

Астанчанке

Вот она идет по тротуару
С сумочкой и маленьким зонтом,
Идет одна, без джентльмена-пары,
С характером, какого нет ни в ком.

Волосы - и челку, и кудряшки —
Ветерок роняет на лицо.
Поравнялся: истинно милашка!
На руке - то самое кольцо,

Что в жизни величают обручальным.
А какой божественный в ней стан!
В ней мысли, видно, тоже не печальные,
Как всех я вижу астанчан.

К магазину "Шапагат" подходит,
Поглядела в зеркальце свое.
В шумный зал красавица заходит —
Здесь свои покупки у нее.

Славлю я прекрасных астанчанок,
Все они без исключенья — диво!
Они городу и всей стране начало,
Оттого и сами так красивы.

Все цветы — вам!

Пусть 8 Марта, в день солнечно-весенний,
Будет празднично в стране и на душе,
Чтоб южане все поля отсеяли,
И чтоб каждый дом теплел и хорошел.

Теплел на западе, на севере, востоке,
В чабанской юрте, в селении любом,
И чтобы по посланию Всевышнего Пророка
Счастье поселилось в каждый дом.

Чтоб радостью светились наши лица,
Чтоб играла всюду детвора,
Чтобы омолаживала каждого водица
Из ручья, протока, из ведра.

А для женщин в день 8 Марта
Пусть сладостная музыка звучит,
И падает счастливая им карта:
Им королевой и принцессой быть!

Им поклоняться будут все мужчины
И букеты пышные дарить,
В таинстве зажгут для них лучины
И будут лишь божественно любить.

Пусть в женский день Вселенная сияет,
Войны и несчастья прекратит,
Земля по-матерински обнимает
И детей счастливыми растит.

Пусть сегодня будут все красивые,
И всюду слышен птичий гам,
А мужчины скажут горделиво:
"Все цветы земные — только вам!"

Только вам горлинок щебетанье,
Только вам голубизна небес,
Только вам любовь и обожанье
И все земное чудо из чудес!"

Март, 2013 г.

Диалог с другом

Вот и ты, дружище, в выездных заботах,
В зарубежье дальше, за большой кордон.
В ожидание срока уж не шла работа,
Да и жизнь не в радость, да и сон не в сон.

То ль ты зарубежных фильмов нагладелся
С причудливыми формами их жизни боевой,
То ли в Казахстане с жизнью не притерся,
Забывая все-таки, что в нем ты все же свой.

Не радует тебя наше обновление,
Новые дороги и престиж страны,
Не трогает тебя и наше возрождение,
Не радуют красоты и нашей Астаны.

В девяностых были всякие подвижки
Для бегства в ту Германию у нашей ребятни:
Распад СССРа, Ельцина интрижки,
Госпереворот и много болтовни.

Только Казахстан ведь не понесло в низину:
Наш президент умело державный руль держал,
Казахстан вздымался, шел по жизни смело
И своих соседей примером заряжал.

Нынче мы вдыхаем дух нового обличья
Наших поселений и в целом всей страны.
Ну, а тебе советую, друже, для приличия:
Забудь свою Германию, там наши не видны!

Здесь ты повсюду на счету: в президиум сажают,
На производстве грамоты и премии дают,

Все твои проблемы товарищи сужают,
Улучшая жизнь твою, жилище и уют.

В Германии такое, говорят, не водится,
Там ты, как ни бейся, чужой им и один.
Там только безупречная с тебя работа спросится,
По какой оценится, какой ты гражданин.

У тебя не первый год мечты о зарубежье,
О небесной манне в тех краях чужих...
Там же, по рассказам, роскоши — безбрежье,
Ездят на машинах мощных и лихих.

"Сникерсы" и "Марсы", "Херши", "Рафаэлло",
"Баунти", Солита - кушай, пей, красуйсь!
Да, и ради этого ты бросаешь смело
Дом, друзей, работу, Казахстан и Русь.

Мол, чего ловить здесь, коль в кармане пусто?
Заработок кровный в срок не получить,
Да с выбором работы далеко не густо...
Как же мне прикажешь на родине прожить?

Ты погляди на полки — да не было такого:
Все, от простой иголки, на рынках да в "комках".
А где же государство наше дорогое?
Ведь дефицит и цены — не в его руках.

Ты был в постперестроечной провинции, в деревне?
От прежней целины остался только след.
Ее плоды и слава преданы забвению,
О ней теперь не вспомнит даже и поэт.

Каждому в республике хорошо известно:
Совхозы и колхозы ушли в небытие.
Златая прежде нива пустынна повсеместно,
Хватит ли у родины сил возродить ее?

Целинные поля без плуга опустели
И травую дикой сплелись и поросли,
Птичьи рощи певчие без жизни опустели,
И в небе не курлычат, как прежде, журавли.

Давно в домах целинников не слышно смеха, песен,
Не видно, как бывало, шумной детворы,
И люди уж не ждут целинных теплых весен —
Самой хлебопашеской на земле поры.

Не радуется теперь и золотая осень,
Когда у хлебопашца полнятся закрома,
Когда в полях закончены уборка и покосы,
И ждется без натуги матушка-зима.

Нынче в поселеньях свадьбы не играют,
Застолья, встречи прежние нынче не в чести,
Целинники бывалые лишь век свой доживают,
Стремясь свои селения, да и себя спасти.

Как-никак, а были в хрущевском коммунизме
Совхозы, хлеб, работа, почтенье, слава, жизнь,
Запал души великий, стойкий героизм
И для страны любимой наш патриотизм.

Целина рождала межлюдское братство
И веру в неизменное счастье на земле,

Неся с собою правду, свет солнца и богатство
Своей такой раздольной, распаханной стране.

Сегодня заменить законы не пытайся:
За знания, лечение, за смех и грех - плати!
Не звенит в кармане? Бедняком останься,
К стране будь милосердным и власть свою прости.

Где искать работу? Ее же просто нету!
С развалом СССР жизнь будто замерла,
Вот люди во спасение и мчат на Запад, к свету,
У нас же что и было — реформа отняла.

Реформа, перестройка, плюс свои законы,
Равенство на Запад — нам это не впервой.
Живем мы не иначе как в каменном загоне,
Где путь к благополучью не чужой, а свой?

Какие нам мешают природы катаклизмы —
То ли мор народов, то ль новая война?
Полсотни лет затишья... Но какой из "измов"
Для себя избрала СНГ-страна?

Что ей больше ближе — "Соци..." или "капи..."?
Иль у нас все тот же коммунизм в крови?
В какое мы стараемся обрядиться платье,
Дабы стать достойными вселенческой любви?

Я вновь вернусь к работе, какая ночью снится?
Даже с твоим высшим дя нее ты — ноль!
Торговать мороженым иль сладкою водицей,
Может, и предложат... Вот это — боль так боль!

Вот я — молодожен, и лет мне двадцать восемь,
А своей хавиры не было и нет.
Мне ждать ее придется десять, девять, восемь,
А то и вовсе двадцать бесквартирных лет.

Прежде работяга в очередь стремился:
Плелась она, как кляча, но все-таки плелась.
В итоге он хозяином квартиры становился,
Пусть и государственной, но он в ней — Бог и князь.

А нынче присмотрись-ка: бесквартирных — море!
Очередь на хаус ушла в небытие.
Но коль ты с кошельком, то горе уж не горе:
Деньги всюду скрасят бытие твое.

Ты все же сопоставь, друг, жизнь нашу и чужую,
Хотя бы с побежденной Германией сравни:
Как говорят в народе, мы тянем доходную,
Поистине петровским временам сродни.

Мне жаль бросать, конечно, обжитое место,
Но живут в Германии — не снилось мудрецу!
Было б то и с нами, не сделай неевский крейсер
Злополучный залп свой по Зимнему дворцу...

Эх, а какие там чудо-гладь дороги,
Топлива — залейся, сервис — неземной!
Ну, а мы все дремлем, как медведь в берлоге...
Не рискнешь и ты ли, друг, за бугор со мной?

— Нет, ты выйди в поле, глянь на золотое
И колосьям низко в пояс поклонись.

Для тебя ведь испокон оно свое, родное,
В нем твои истоки, родина и жизнь.

Выйди в степь на зорьке, прислушайся к цикадам,
Поклонись, как прежде, седому ковышю.
И скажет твое сердце: "Чужого мне не надо,
Я эту степь и небо, я этот край люблю!"

Выйди за околицу, подойди к печальной
Березке златокудрой, ей тоже поклонись.
Здесь со своей любимой в школьный
вальс прощальный
Вы любить друг друга навеки поклялись.

Нет! И степь бескрайняя, и поле золотое,
Деревенька тихая с березкой у плетня,
Как седая мать, как детство дорогое,
Будут до могилы в сердце у меня.

Правда, друг, не спору: прелестей, соблазнов
За морями синими счесть — не перечесть.
Да, у нас и бедно, и порою грязно,
Но для нас святое что-то в жизни есть.

Трудностей сейчас в СНГ немало,
И у нас республике они не так редки.
На порядки жизнь у нас подорожала,
Годы перестройки для многих нележки.

Но поверь, дружище, все это преходяще,
На смену затемненью светлый день грядет.
Будет и у нас жизнь чистой, настоящей,
Растают ложь и злоба, и отчужденье лед.

И поверь, дружище, ты вспомнишь, как Тургенев
На смертном одре тихо друзей своих просил:
"Поклонитесь дубу, что посадил я в детстве,
Родине, которую я нежно так любил".

Что ж, я верю, друже — будешь ты с машиной,
Но сердце твое будет терзаться и страдать.
Тебе всегда чего-то, даже непогоды
Нашей казахстанской будет не хватать.

Будет не хватать росного рассвета,
Запаха полыни, дыма кизяка,
Казахского "Салем!", русского привета,
Простого соучастья друга, земляка.

И тогда тебе навсегда взгрустнется
Без нашего застолья, без песен, без друзей.
И, поверь, не раз один болью отзовется
Жизнь на чужбине без Родины своей.

— Да, старик, ты прав, я не отрицаю:
В тебе коммунистичности - что в ленинском ЦК.
За что по старой дружбе тебя не осуждаю:
Вера в наши власти ой как еще крепка!

Людей, как мне сдается, вовсе не пугает
Прожиточный их минимум и социальный бум.
Страна на жизнь цены только повышает —
Планово-расчетливо, а не наобум.

Глянь на ширпотреб, что наши люди носят,
Ведь все заполонили Турция, Китай.

Хламье б их золоченое на помойку бросить,
Так заменить ведь нечем их заморский рай!

Где наши "Джетысу" иль "Караганда-обувь",
Прекрасные костюмы фабрики "Восток",
Вещи Павлодара, Талдыкоргана обувь,
Служившая хозяину не один свой срок?

Еще, скажи, ты можешь нынче разориться
Прогуляться в отпуск на дальний самолет,
Скажем, на Москву или в свою столицу?
"Такое лишь приснится..." - И я о том же вот.

А вспомни, как бывало: пенсионер пытался
На свои сто двадцать улететь в Москву,
И улета, пил пиво, тут же возвращался,
Разогнав и старость, и свою тоску.

Сегодня сделать это — дистанция другая.
На пенсию ты сможешь лишь к Богу улететь,
Так как, по несчастью, жизнь выпала такая,
Когда от безысходности лучше помереть.

— И все же, друг любезный, не зришь ты позитивы,
А их ведь в жизни больше, согласишься со мной!
Ведь сделать жизнь краше завещано живущим,
Что значит — современнику, стране и нам с тобой.

- Погляди на Астану - сколько понастроено!
Не дома - верзилы! Квартиры же пусты,
Потому как денежки за них в стране утроены,
Вот люди и бегут от них в трущобы, как и ты.

- Но колесо истории вроде закрутилось:
Массово же строится какое-то жилье,
Какое, говорят, нам прежде и не снилось...
- Какое съест тебя, меня, наш дух и бытие?

Попробуй, займем его по нашей ипотеке -
Уж точно облысеешь или в дугу загнешься,
Будешь упираться рогом на аптеки,
А то от безысходности вообще сопьешься.

Где нынче наши песни, бывшие у предков,
В честь всегда большого красивого труда,
Когда с душою теплой и светло, и метко
Воспевались наши поселки, города?

— Но видим мы, у нас инерцию страна
Силою народа с плеч своих свалила,
Воочию теперь стратегия видна,
И в ней, как никогда, живительная сила

И дух народа праведный... А, по всему, пока
Мы только расправляем наши плечи-крылья,
Чтоб строить жизнь нашу, строить на века
И, как поется в песне, сказку сделать былью.

Воочию мы видим, как крепко богатеет
В СНГэвской постуди великий Казахстан.
Ветром возрождения в Казахстане веет —
Может, и на зависть СНГэвских стран.

— Да, друже, понимаю: твоих забот сонмище,
Ты так и остался коммунист лихой...

Поболе бы таких! — все были бы с жилищем,
И не пахала б Африка древнею сохой.

Я вот рвусь в Германию, бросив все на плаху,
Только б побыстрее в те края попасть.
Ради той Германии расчехлился с маху,
Не боясь в чужом краю споткнуться и упасть.

Ты ж слышал, что начальники, что прежде жировали
У нас в краях родимых, там звезды не хватают:
Метут дворы и дворики, деревья подстригают,
Живут, однако, сытно все да и пиво лакают.

Ты прав, что надо видеть поле золотое,
И колосьям низко, в пояс поклониться.
И у нас и впрямь все близкое, знакомое, родное,
Здесь истоки наши — им бы нам молиться!

В целом я приветствую вашу журналистку,
Тебя с твоим "Простором" сегодня и всегда,
Простые откровения статистов и статистиков
И тех, кто нынче строит дома и города.

Может, ради этого в Берлин я не поеду
И, видно, никогда не брошу Казахстан.
Может, то и будет над собой победа,
И не будет сниться мне чудо дальних стран.

— Верю, дорогой мой! Я против зарубежья
И твоей миграции в хваленую Германию.
Будет и у нас житье много лучше прежнего —
С верой и надеждой, с песней и компанией.

И сделаем мы это, обгоняя время,
Не ожидая райского две тысячи тридцатого,
Мы сами на себя взвалили это бремя,
Какое жизнь народа сделает богатой.

Богаче, чем в Финляндии иль в нефтяном Кувейте,
В Америке с Германией и золотой Швейцарии.
Мы будем путешествовать с тобой по белу свету,
Ездить на Канары, купаться, слушать арии.

Нам хочется с тобой, как и народной воле,
Чтоб каждый казахстанец еще богаче стал,
Чтоб жизнь казахстанцев еще богаче стала,
И краше становился в миру наш Казахстан.

Все наши достижения даром не даются,
Вложен труд народа, страны и президента.
В своем стремлении к счастью

они в пути сольются,
Вот когда воспрянут песня и поэты!

Чего нам остается, если по серьезному?
С Германией ты точно порубил концы.
Мы пережили многое — и сорок первый грозный,
Где сражались деды, братья и отцы.

Хотелось пожелать бы бесплатного леченья,
Бесплатных альма-матер, бесплатного жилья.
Чтобы бесквартирные закончились мучения,
И, наконец, вселились бы в светелки ты и я.

Чтобы у нас были лучшие дороги,
Чтобы у нас строились лучшие дома,

Чтобы мы забыли про всякие тревоги,
И чтоб нас не страшили морозы и зима.

Пусть нынче мчатся годы своею чередою,
С нашими свершеньями надежды и мечты.
Пусть Казахстан великий и его народы
Рождают только счастье в объятьях красоты.

Моим издателям

Смерти нет:

Не стало в жизни нашего народного поэта,
Судьба с каким меня сводила не однажды.
Мы обсуждали жизнь поэзии планеты,
И что должны давать ей даже махараджи.

В нем я видел душу больную, поэтичную.
А моих стихов свет белый не видал —
Может, оттого, что слишком уж тактично я
Обходил в стихах скотинку, сеновал.

Ну какие там стихи в нашей деревеньке?
А ведь Гундарев нашел их в своей Кыштовке:
Речку Тару описал и друзей в поддевке,
Гнавших в луг на пастбище тощую коровку.

Сибирская Кыштовка Романыча растила,
А затем послала выбирать судьбу.
Та по казахстанской целине носила,
Занеся навечно в Акмолинск-Астану.

Здесь и зарождались его стихи и проза,
И главный итог жизни — рождение журнала.
Как в прошлом "Современник", "Нива" шла в обозе
Всей пишущей братии родного Казахстана.

Некрасов "Современнику" давал свою духовность,
Приветствовал народную прозу и стихи,
Редактор "Нивы" тоже дышал к стихам неровно,
Приветствуя таланты авторов лихих.

Прошмыгнули и мои две вещи прозаичные
В восьмом еще году, а затем в девятом.
Хотелось мне Романычу стать другом закадычным,
Только все ж дистанцию сохранял я свято.

Что б ни говорили, а Агадырь — провинция
Со своею жизнью тихой, непрактичной.
Вот и постеснялся я со своей позиции
Предстать перед поэтом натурой поэтичной.

Владимир Романыч Гундарев, как и его "Нива",
Не должны в народе забыться, помереть,
И коли есть на свете талант и справедливость,
Их обойдет соседка жизни — смерть.

Таланты и поклонники

Бывал я в "Ниве", кажется, однажды или дважды,
Меня туда с романом, как ветром, понесло.
Шел с глухой надеждой: Гундарев укажет,
Есть ли в моем романе правда и зерно.

Как видятся в романе живые персонажи,
Живой ли у них в жизни топот, бег и шаг,
И верный ли характер они миру кажут,
И каждый из них в жизни - робот или маг?

Целый год промчался. Поэт мне не ответил,
Лишь молча фолиант мой в семьсот страниц вернул.
Но на полях увидел я красные пометки —
На сам сюжет романа поэт не посягнул.

Такое вот событие с романом приключилось,
Со стихами — то же, и вообще со мной.
Себя увидеть в "Ниве"? Такое и не снилось!
Таланты пробиваются, как на войне герой.

Нынче ж мой роман дремлет одинокий,
Ему и его автору в целом нелегко:
Лететь ему до полюшка журнального широкого,
Как до Венеры с Марсом, далеко!

Таланту настоящему двери открывают —
Читаем же мы Гундарева, Шиленко и других.
Свой стих они в особую одежду одевают,
Научиться б этому таланту мне у них...

Видать, с романом все же придется распрощаться:
Гундарев не зря ведь ему "добро" не дал.
В бездарности своей готов я расписаться,
Порвать с литературой, хоть столько настрадал!

В свою семерку круглую я пробовал такое,
Но не тут-то было — огонь к стихам не гас.
Он оживлял в душе забытое, святое,
И снова стихоплетству посвящал я час.

Мне ясно: СНГ - не праздная эпоха,
В нем много непонятого для нас и для потомков,
В нем что-то хорошо, а где-то просто плохо,
В нем где-то идет стройка, а где-то просто ломка.

Нам же, современникам этих дней суровых,
Для жизни полноценной надо лишь сплотиться
И на обломках старого родить законы новые,
Какие и позволят нам к победам возродиться.

О прошлом и нынешнем

Я кланяюсь редакторам "Простора" и сегодня,
И людям, как Шиленко и Сагин-Гирей.
Может быть, когда-то им показался модным,
Оттого поставили в "Простор" меня скорей.

Журнал меня обрадовал повестью с рассказом,
Их читал я, помнится, в осеннюю грозу,

Жена же удостоила их утреннего глаза,
А я ронял от счастья с ресниц своих слезу.

Да, было для меня то время расчудесное:
В "Просторе" я случайно, но все-таки мелькнул.
Имя агадырца стало вдруг известное,
А это распаляло мой творческий загул.

Те годы золотые для меня минули,
Прежние редакторы оставили свой пост,
Но страсть пера к бумаге они во мне сомкнули,
К ним я и теперь прокладываю мост.

Каким он станет нынче, прочным или шатким,
Покажут только время и к перу любовь,
Наверное, стихотворной я не уйму повадки,
К ямбу и хорею тянуться буду вновь.

О себе

Школа отшагала по родной стране
С шумной и веселой, красивой детворой,
Их сегодня много в столичной Астане,
Где каждый ребенок - волшебник и герой.

Они не просто школьники - хозяева Земли,
С романтикой, мобильником и красотой одежды,
Они к нам не иначе как с небес сошли,
Неся с собой свет солнца, мечтанья и надежду.

Я рад такую видеть чудо-малышню:
Ах, сколько в ней лучится жизни и огня!

Оттого, быть может, и Астану люблю,
Что она столица солнечного дня.

Купил я как-то "Ниву", ею умилился,
Что, наверно, делают многие в стране.
Двадцать лет назад в "Ниву" я влюбился,
Не веря, что она даст жизнь на страницах мне.

Я в "Ниве" появился в восьмом году, в девятом,
В номере четвертом и вроде во втором,
На творчестве своем стал ставить я заплаты,
Чтоб блеснуть не иначе стихами и умом.

Поэзию я нынче рою без разбора —
Крепкую и мягкую, просто все подряд.
Мягкую не иначе как для разговора,
А твердую - чтоб время не увело назад.

Поэзия теплится по своим законам,
Она, как и фундамент, для здания нужна,
Ей должны мы кланяться, как святым иконам,
С поэтами по крови поэзия дружна.

Считать себя поэтом я вовсе не решаюсь,
Хотя по-человечески за себя обидно:
Ночи напролет я со стихами маюсь,
А в печати строчек отродясь не видно.

А я ведь неустанно их в ночи кропаю,
Они, как наваждение, ниспосланы с небес.
Оттого и нынче про себя гадаю:
Они в "Просторе" вызовут хоть малый интерес?

Вещи мои в прозе как-то проскочили,
За что Шиленко Ольге я и теперь в поклоне.
Ну, а стихи остались лишь моей кручиной,
Им суждено кружиться лишь на небосклоне...

Пролиться б им дождем на целину "Простора",
Тогда, быть может, всходы как-то б да взошли,
И журнал бы начал с поэтом разговоры,
Какие в зной и в сухость и в солнцепек не шли.

Моей любимой газете - 80 лет

"Индустриалка" все-таки и моя газета,
Моих краев, шахтеров, Никольска, Балхаша.
Газета хоть и редко, но слала мне приветы,
От них цвела и пела в Агадыре душа.

У меня к газете свой страх и обожанье,
Боюсь своих стихов, и прозы я боюсь.
У меня к газете лишь одно желанье:
Скажите, я в рабкоры гожусь иль не гожусь?

Спасибо за статьи о целине и зорях,
Ну, а стихам моим — им света не видать,
Стихи мои, скорее, мое и ваше горе,
Их, по советам вашим, не следует писать.

Только ведь с собой ладить я не смею,
Стихи меня по-прежнему валят на ходу,
Писать их по-иному я просто не умею
И где-то по Байменову с Есениным иду.

Но они ведь визири в море поэтическом,
А я - всего лишь щепка в лужице стихов,
Со своим мирком в мире прагматическом
И с голосом в курятнике незрелых петухов.

Они прокукарекали, а рассвета нету,
И с травы зеленой не сошла роса,
В этот час не спится, может, лишь поэту,
А рассвет встречают лишь его глаза.

У него рассвет задумчивый случился.
Ах, как же вы, поэты, лиричны и грустны!..
Все ж "Индустриалка" к читателю стучится,
Что значит, знать мы будем о нас и днях страны.

"Индустриалка" в жизненном находится движении,
Надо же, и "Дар слова" иногда дает,
Попасть туда мечтаю хотя бы в воображении,
Но мой стих для "Дара..." уж точно не пойдет.

Рифмою какою-то я-таки владею,
Но у нас и дети могут рифмовать!
Поэтому в "Дар слова" я писать не смею,
В него попасть лишь может талантливая рать.

Наваждение

Опять склонился я над родным "Простором",
В комнатах приглушены хождения и движения.
Увлёкся - то Надежда завлекла Чернова
Своим эссе не первым с названием "Наваждение".

Наверное, не ко времени завел я разговор
В свой не юбилейный, но все же день рождения:
Хотелось б агадырцу пробиться в свой "Простор",
Вот истинно-то было бы святое наваждение!

У поэта жизнь своя со временем и небом,
Со снами и поэзией, с загадочным томлением,
Где-то и с мечтами, где-то с теплым хлебом,
Рождающими в сердце стих и наваждение.

Не наваждение ли, источник сил и жизни,
Питает нашу душу вдохновением?
Я ангелу-хранителю скажу для укоризны:
"Не нужно зажигать в каждом наваждение!"

Зачем оно, к примеру, тому же агадырцу
Иль парню у калитки с любовными томленьями?
Да и всем поэтам с задумчивыми лицами —
Им больше нужен стих, а не наваждение.

С Надеждою Черновой во многом соглашусь:
Да, слово преисполнено остановить мгновение!
Под всем эссе Черновой махом подпишусь
И буду ждать от жизни свое лишь наваждение.

О стихах

Ах, зачем уводить в поднебесье
И в какую-то мглу в тишине,
Спорить с солнцем и тихой песней,
Не пришедшими сегодня ко мне?

Как же все мы в стихах усложняем,
Не заботясь об их простоте!
Свою вычурность всюду рождаем,
Как лучину в сплошной темноте.

С каждым словом мудрим и гадаем:
Как средь звезд бы его разместить?
Среди туч красоту выбираем,
Где ему и начертано жить.

А слова, что по жизни простые,
Очень часто приходят ко мне,
Когда строки стучатся лихие
В моей шибко седой голове.

А стучатся они не однажды:
Я для них же слова выбирал,
Видел друга в отдельном и каждом,
Жизнь каждому в строчке давал.

И рождался мой стих вдохновенный
Со своею особой душой,
Но в редакциях слыл он неверным
Со своею пустою "лапшой".

Так и гибнут они за столами
Всех газетно-журнальных светил,
Только все ж я стихи не оставил,
Мир стиха мне по-прежнему мил.

Март, 2013 г.

Мои поклонны

Когда за семьдесят, то тело и душа
Бывают воле Божьей непослушны,
Меня порадовать и вовсе не спешат —
К житейским благам так же равнодушны.

Теперь, как прежде, не влечет футбол,
"Играй, гармонь" уж сердце не колышет,
Не радует и старый военный патефон —
Его пластинки душа моя не слышит.

Теперь милы мне дом и тишина,
Моя уютная и милая квартирка,
Какая жизнью и мечтой полна,
Где телек, чай да маленькая стирка.

А к ним в придачу вечный спутник мой —
Моя жена, что жизнь счастьем полнит,
За мир в семье стоящая горой,
Войну холодную какая тоже помнит.

А мои мысли нынче набекрень
Большими сдвинуты годами,
Ходить к друзьям становится мне лень,
Лень даже слать куда-то телеграммы.

Хотя б в любимый для меня "Простор",
С каким дружу, как с давним другом, неразлучным
Он даже начинал со мною разговор,
Взметнув пласты надежды, словно плугом.

"Простору" кланяюсь за строки мои в нем,
Но перво-наперво поклон Сагин-Гирею:
Его вниманием был я окружен,
Каким и нынче свое сердце грею.

Но вот удар: оставили "Простор"
Сагин-Гирей и Шиленко Ольга,
Они на творчество подвигли мой задор,
За что люблю их по-слепцовски долго.

Я ждал от них: Найди другое хобби,
Коллекционируй марки иль зонты,
А коль придет писательства хвороба,
Сжигай к ней все тропинки и мосты".

Но ничего такого не сказали,
А поместили первый мой рассказ
И в назиданье тихо указали:
"Писать вам нужно завтра и сейчас".

В сентябре две тысячи седьмого
Вдруг вышла повесть в двадцать пять страниц.
Не помнил я внимания такого,
Сронил слезу со старческих ресниц.

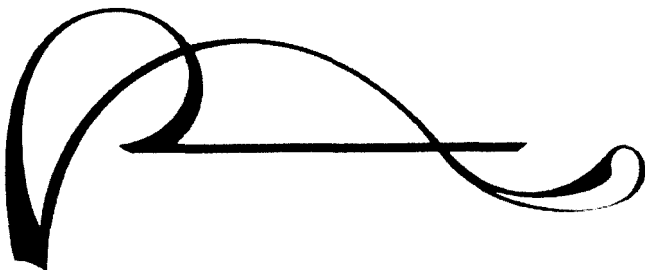
Тогда и правда слезы не скупилась:
Печать заметила в глубинке старика?
Такое прежде и во сне не снилось —
Тропа рабкора к музе нелегка.

С той поры минули дни и годы...
То ли я скукожился, а "Простор" прозрел,

И глубинка стала в нем не в моде,
Не всяк теперь в нем запоет пострел.

Пять лет "Простор" мою судьбу не ладит,
Не напечатав и простой строки,
Известных более он на страницы манит —
Они читаемы, понятны и легки.

В том точно есть резон и разуменье
И своя литературная стезя,
Ведущая к таланту и уменью,
Чем пренебречь всем пишущим нельзя.

Внук и дед с желанием побед

Внук мой написал короткое письмишко,
В котором сообщал, что он-таки решился
На "Давай поженимся"... Он уж не мальчишка,
И в Москве, по сути, он точно растворился.

Ах, какой народ там! Красивый и спешащий,
А одет и вовсе будто бы с иголки.
А он с краев далеких — бродяжка настоящий,
Спасали лишь крутые паспортные корки.

Та "Давай поженимся" его уж ожидала,
Наверно, и невеста тоже там была.
У сватов ирония по-своему играла,
И женихов на выбор невесте отдала.

Средь таковых кокетничал и внук мой непутевый,
Да со своим таким же непутевым дедом.

Да, я, надев сорочку и костюм свой новый,
Внуку дал согласие: мол, с тобой поеду!

И, как чумной, понесся к черту на кулички,
А в Москве я все же в ту войну бывал,
Делил с бойцами курево, газету, даже спички,
Когда вдруг выдавался полковой привал.

А дальше шли бои и смелые атаки,
Москва была для каждого Родина и песня,
Я с казахстанской гвардией не раз бросался в драку,
Хоронил товарищей и за Москвой - в Полесье.
А внуку моему Москва не стала тещей:
Невеста его комнату тихонько обошла
И выбрала того, кто был длинней и толще,
Что в целом означало — любовь она нашла!

Живет мой внук и нынче холостяком заречным:
Невестами деревня так в корне обнищала!
Сманивал их город сегодня и извечно,
Где каждая красавица свою судьбу искала.

Внуку своему я не даю советов,
Свою ж любовь, однако, в деревне я нашел,
В деревне я и стал непризнанным поэтом,
С пробою пера я никуда не шел.
Внук мой пробою, однако, увлекался
И даже втихомолку отослал в "районку".

В газетенке, это ж надо, стих его остался
И заставил думать: внук растёт мой с толком.

Внук, наверно, сможет с жизнью разобраться,
Может, даже выбьется в известные поэты,
И на книжке собственной сможет расписаться:
Я в своих молитвах его прошу об этом.
То я поприветствую сердцем и душою,
Поскольку со стихами сам всю жизнь дружу,
Мои ж стихи друзья считают лишь “лапшою”,
Хотя “лапшою” этой я все же дорожу.
Им белый свет увидеть — моя мечта заветная,
Мечтою этой старческой я теперь живу.
За жизнь мою редакции поэта не приметили,
Так я неизвестным по жизни и плыву.

Внук так упрекает: “Дед, ты наш Есенин,
В жизни пробивайся и в печать прорвись!
Не ленись, где надо преклонить колени,
А перед великими и вовсе повинись.
Быть может, в редакциях тебя где-то и встретят,

Глядя на Хоттабыча, что-то да прочтут.
Может, из лиричного что-то заприметят,
А то и вовсе книжку отдельно издадут.
Может быть, потомки будут нас умнее,
И в тебе увидят, дед, великого поэта,
Какого ещё внуки прочитать успеют...
Главное, дедуля, не бояться света!

Вычитал я как-то в газете криминальной:
Боже мой, ну как же все это хорошо,

Что нынче книжки выпускают индивидуально
Для отдельных авторов даже с их "лапшой"!
О книге ж белый свет вовеки не узнает,
По сути, она ж свету, как мамонты, нужна,
Так пусть ее родные да друзья читают,
И станет она автору любима и важна.

Так что, дед, пытайся к издателям пробиться,
Чтоб родить книжонку хотя бы штукек в сто.
Своему Абаю поселок удивится,
И даже твой соседушка, противный дед Пихто.
Годы после этого у тебя продлятся,
И, возможно, новый ты роман родишь,
Старости, я думаю, не стоит опасаться,
Возьми да покажи ей наш откровенный шиш.

В твоих же, дед, вещцах я вижу — есть движение,
В романе есть бывалый, но живой народ,
В стихах так я увидел жизни отражение,
И, главное, по-сталински ты не зовешь: "Вперед!"
В них правда жизни дышит и думать заставляет,
Платное учение с леченьем — парадокс!
Альма-матер разные без денег не пускают
И просто зло бросают: "До нас ты не дорос!"
Да, черт возьми, что стало с нашим новым веком,
Когда великий СССР, как свеча, погас?
Что стало с СНГэвским новым человеком,
Какого не волнует народной воли глас?

А в Арабских Эмиратах — бесплатное лечение,
Бесплатно обучение, и там народ живет
Не иначе, как Бог на солнечных качелях,

И, как сыр, катается в своем довольстве кот.
Поведал нам о том наш добрый Исингарин
В своей новой книге "Три полюса жизни",
Где он славит век, когда летал Гагарин,
И когда мы славно строили хрущевский коммунизм.

Тогда у нас и было лечение бесплатным,
И за обучение страна не брала ни гроша,
Отвечал народ за это только адекватно
И делал все, чтоб у страны была большой душа.
Теперь же мы чего: белены объелись,
Или нам наскучил наш помутневший век?
Теперь мы и молиться Богу разучились,
Когда и жизнью правит теньга, а не человек.
Чтобы твои зубы хорошо кусали,
И тебе к кровати на пузе не ползти,
К тому же, и в амбиции по жизни не бросало,
Оставайся без куска, а деньги заплати!

Таков наш неизведанный сегодня век аморфный,
Который больше ранит, чем гладит и роднит,
И жизнь людей никак не делает комфортной,
Невзгоду и коррупцию по стране родит.
Так чем же СССР пред нами провинился,
Что низвели его мы без всяких революций?
Теперь тот СССР в анналы закатился,
Не требуя от мира каких-то контрибуций.

"Хэнде хох" и нынче бывают в нашей жизни,
Так что, дед, ты правду видишь лучше всех...
Господи, а принципы и люди так капризны,
Так что не верю я в твой книжечный успех.
Вопросов в этом плане — созвездие ночное,

Но для меня, дед, главный:
ты выйдешь с книгой в свет?
Вдруг что-то усекут в твоём писанье склочное
И по-русски скажут: "Селяви, привет!"
Нынче в СНГовскую недобрую годину
От жизни ждать приходится любого лихолетья.
Чтоб тебя не тиснуть, дед, не нахожу причины,
И потому не верю, дед, что песня твоя спета.

Ну почему б издателям не обратить внимание
На стихотворение, скажем, "Юбилейное"?
Ах, бабушка так тратилась на внуковы желания,
Что от тебя, дед, делали украдкой и келейно!
Вы вместе с моей бабушкой целые полвека,
Немногим жизнь дарит такие юбилеи,
Не слишком жизнь сегодня ублажает человека,
Какой бороться с нею просто не умеет.
Ну, а чем не нравится "Соловей-кудесник"
С ивой-сиротинкой и звездами в ночи?
А джентльмен тот песенный
был точно мой ровесник,
И ваши встречи тоже были горячи?
Я б не упустил и "Паслен" из детства,
Верю, дед, с тобою это в детстве было.
Ты не раз рассказывал, как бегал по соседству,
И на огород к паслену тоже вас носило.
А паслен, как пищут, утолял желания
Как-то подкрепиться и сладкого поесть,
Где-то побороться со своим недоеданием
И дома выцать матушке свою любовь и честь.
Издателям вдогонку я бы посоветовал
Обратить внимание на давний "Диалог"...
На своих героев, дед, ты никогда не сетовал
И стать им в жизни ценными все-таки помог.

Одного ты напрочь отговорил пытаться
В германский уехать Веймар иль в Берлин,
К тому ж, помог товарищу с жизнью разобраться,
Теперь он в Казахстане — свободный гражданин.
А его товарищ с грустью ходит в поле,
Кланяется небу, колосьям золотым,
В них он свою родину и покой находит,
Сделать верный выбор было делом непростым.
Другу дед советовал прислушаться к цикадам
И низко поклониться седому ковылю:
Мол, сердце тихо скажет: "В Германию — не надо!
Я эту степь и небо, я этот край люблю".
Еще б я посоветовал издателям коснуться
Дедовских раздумий о бывалых встречах
С Гундаревым Владимиром... Они уж не вернуться,
Потому как наш поэт ушел от нас навечно".

В этих встречах были живые разговоры
О живых поэтах и бренности культуры,
Что в театральной практике у нас одни повторы,
И вообще, мы мало даем литературы.
Ах, Гундарев Владимир - болбшой поэт и лирик,
К тому ж, редактор "Нивы", журнала Казахстана.
Родился в Кыштовке, что стоит в Сибири,
Но молодость его по-своему достала.
Целинный Казахстан манил своей романтикой,
Целинными просторами манила Акмола,
Для двадцатилетнего она была галактикой,
Какая свои звезды ему и отдала.
Первою звездой явилась его песня,
С какой я и сегодня теряю свой покой:
"Деревня моя деревянная, дальняя,
Гляжу на тебя я, прикрывшись рукой..."

Я тоже родился в далекой деревушке,
Что затерялась где-то в степи у Кургальджино,
Где в сорок пятом матушка готовила галушки,
Что было мне, ребенку, совсем не все равно.
День Победы матушка встречала со слезами:
Отец мой сложил голову где-то на Днепре,
В этот день все мы с мокрыми глазами,
Слезы я, как старший, вытирал сестре.
Это пусть не к месту, всего лишь отступление,
На какое песня поэта натолкнула.
У Гундарева было особое умение —
Поэзия поэта и ко мне примкнула.

"Ниве" же поэт отдал себя всецело —
Какие только перья тут не побывали!
"Нива" была жизнью и любимым делом,
Какую все читатели Казахстана знали.
"Нива" даже знала Агадырь глухой,
В журнале мои вещи тоже появлялись,
Что заставляло думать: пашу я не сохой,
В чем агадырцы дружескую выражали зависть.
Поэт Владимир Гундарев и мой роман прочел,
Да не успел сказать напутственного слова,
Я в своей глубинке как-то не учел,
Что жизнь идти в ногу не всегда готова.

"Я бы на месте издательских сотрудников
Твои стихи, дедуля, так бы выдал на-гора,
А саму книжонку оформил бы культурненько
И редакционно автору бы пожелал добра.
И в сноске рассказал бы, кто мой дед бывалый,

Как он в дни военные геройски воевал,
Однако не искал простой солдатской славы,
Хотя в атаках огненных с ротою бывал.
Ну, а после "дембеля" — рабочая "железка",
Принявшая солдата на сорок с лишним лет,
Ну и запоздалая красивая повестка
С медалью ветеранской — его авторитет.
Ну, а дальше годы, годы пенсионные,
С ними - пенсионные рассказы и стихи
О целине, Гагарине, как было, семизвонные
Со всякой позолотой, без жизненной трухи".
Вот такое у меня внуково желание,
Чтоб у деда выдались поэмы и... роман.
Кто-то после этого пришлет воспоминания
И, может быть, умножит творческий обман.
Как внук, я пред издателем встану на колени:
"Издайте, дорогие, всю дедову "лапшу"!'
Может, после этого он свой нрав изменит
И вернется к дачному глухому шалашу,
Где всегда рождались его произведения,
Рождались в тихой заводи и глухой тиши,
Они же и рождали для мира озарение
С боевым настроем... Ну, Хоттаб, пиши!
Хотелось бы воочию видеть книги деда,
Они его житуху как-то да продлят,
Наверно, то и будет его первая победа,
И в жизни не останется никаких шарад.
Как-никак, а деду нынче семь с пятерой,
До таких годочков нечасто доживают,
Книга станет вовсе для него опорой,
И он о жизни нынешней болынее узнает.
И родит, возможно, своего Онегина,
А "Горе от ума" так прошибет житуху,

Тут и я по-свойски подвернусь коллегой,
И станем теревить мы поэзию-старуху.
Такое у нас с дедом, правда, не случилось,
Дед мой, как Есенин, один в своей хавире,
Где у него страстная поэзия рождалась,
Известная России, теперь — и в целом мире.
Дед же мой округе и рядом неизвестен,
Не говоря о Караганде, Шахтинске, Темиртау,
Он лишь агадырец и знает свое место,
Знает свои струны и свою октаву.
Музыкальные наклонности бывают и у деда,
Лирикою дышат и нынче его песни,
В них своя индукция и жизненное кредо".

Великую семерку с короткою пятеркой
Мы с женою встретили старческим приветом,
Вспоминали годы, родившие Артему,
Какой со мною вместе ладит путь в поэты.
У внука непременно этот путь наладится,
Потому как ему только-только двадцать три,
В своих пробных виршах он к Олжасу катится,
Светясь своей поэзией снаружи и внутри.
Не ведаю, судьба как мной распорядится:
Таких, как я, поэтов в Казахстане море!
Повезет — поселок мой мне вдруг и удивится,
А может, я пожну писательское горе.

Жена так мне бросает: "Брось ты это дело!
Писательское хобби - не твое такси.
Ты лучше в жизнь внука повторяйся смело

И стать ему поэтом издателей проси".
Наверно, с моей женушкой можно согласиться:
Женщину послушаешь - так и себя найдешь.
Ну, а мечта о книге пусть и сегодня снится,
А это будет — значит, ты к мечте идешь.

И все же меня знает газета "Индустриалка",
Знают Петр Жуковский, Песнев и Рыжков,
У них я постигаю творчества закалку,
Какому и сегодня себя отдать готов.
Ах, а какое было бы в газете удивление,
Если бы я каждому свой томик подарил!
У них бы улетучилось обо мне сомнение,
Что я в Агадыре своем анахоретом жил.

В моей душе блуждают грозовые тучи,
Слышатся раскаты, а то и вовсе гром.
Я считаю книгу моей мечтой летучей,
Я б душу отдал дьяволу за первый книжный том.
Пока же я стихи плету, как дед плетет мой лапти,
Какие ни друзьям, ни свету не нужны,
Над ними и сегодня не течет, не каплет,
И свету они белому, по-моему, важны,
Как зайцу человечества известный вытрезвитель,
И тому же зайцу зеленый светофор,
Как глухому барабан и громкий усилитель,
И на церковной паперти матерный разговор.
И все же я хотел бы поддержать свой томик,
Какой и подарю в какой-нибудь трактир,
Где, возможно, скажут: "Ты не поэт, а комик,
И кто не видел хуже дыр, пусть едет в Агадырь!"

Нынешний читатель - истинный Белинский,
Он знает Сулейменова, он и Блока знает,

Знает, кто в стихах сегодня к ним подходит близко.
Мне как агадырцу к ним не дотянуться,
Правильно жена моя в экстазе говорит:
"Стар ты, Абдрахман, ты вон в дугу согнулся,
Хоть в тебе желание к поэзии горит.
И ты ведь, Абдрахман, с годами исписался,
Нет в тебе, как прежде, задора и огня,
Когда с наскока ты в людскую жизнь бросался,
Ни себя, ни нервы не храня.

Ты душой своею переживал недуги,
Что ложились на знакомых и друзей твоих,
И многим после этого ты становился другом,
Оберегал людей от подвигов лихих.
Ты многим помогал своим газетным словом,
Печать вторгалась в жизнь маленьких людей,
Которые бредут с лопатою и ломом,
Встречая на пути ряды больших гвоздей.
Ты власти сообщал про отключение света,
И что вода в колонках зимою замерзает,
Что люди нестерпимо ждут наступленья лета,
Поскольку к ним по бездорожью сам черт не заезжает.
У бабушки Агафьи избушка изнасилась,
Ее курьи ножки подгнили и упали,
Баня поселковая на север похилилась,
У Корпеша Тажина семь коней угнали.
Кадишу Корпешеву из дома выселяют,
А у нее аж четверо маленьких детей,
Ее дом с соседскими под сноску попадает,
Где воздвигнут комплекс в двенадцать этажей.

Но ты, мой Абдрахман, как раз и был на стремени,
Строчил свои статьи, заметки, фельетоны,

На них ты не жалел ни себя, ни времени,
А власти упирали на деньги и законы.
Считаю, Абдрахман, ты хорошо работал,
За людей и правду всегда стоял горой,
Теперь же у тебя в издательстве заботы,
Где жаждешь ты услышать: "Агадырь - герой!"
Да, тяжела известная шапка Мономаха,
Как и твоя попытка выйти с книгой в свет,
Будь ты талантлив, как Андрей Малахов,
То давно имел бы такой авторитет.
Что ни говорите, а поэзия мирская
Со времен Гомера всегда идет в народ,
Оттого по веку она всегда живая
И по жизни с человеком за руку идет.
Ну как не поклониться известному поэту,
Который "Этот день Победы..." победно написал!
А песенник и вовсе для строк напевных этих
Торжественные ноты у жизни откромсал.
А как не поклониться восточному созданию
"На Востоке, на Востоке что за небо без луны!"
Сосредоточивший поэта главное внимание:
"На Востоке, на Востоке что за жизнь без чайханы".

И правда, жизнь Востока во многом необычная,
Хотя бы и без этой вечной чайханы,
Когда поэт к привычному прибавит непривычное:
"На Востоке, на Востоке что за жизнь без Астаны".
У Астаны и правда обличие восточное,
И особое, по-своему восточное жите -
С той же чайханою, мечетью долговечной,
Со своим привычным восточным бытием.
У Астаны, конечно, приличествуют нотки
И всеевропейского живого бытия,

Она прошла путь немерено короткий,
Что мало для привычного восточного житья.
У Астаны непревзойденно коротка история:
Мир подобный вечный Рим рождал тысячелетья,
А Казахстан наперекор всяким аллегориям
Воздвиг свою столицу за два десятилетия.
Что ж, пусть она под солнцем по-восточному красуется,
Годы ее сделают, как и страну, моложе,
Ею наши предки тоже полюбуются,
И она им станет всех богатств дороже
А мне в моих степняцких тихих Холмогорах
Все-таки дороже моя Караганда,
Какая и сегодня рождает углей горы,
Равные Казбеку в прошлые года.
В ней мне близка по-прежнему улица Чапаева,
Где жила когда-то наша "Индустриалка",
Где ее твореньями я свою жизнь спаивал...
Ах, годы те далекие мне и сегодня жалко!
Жалко, что они теперь ко мне не возвратятся.
Ах, сколько в них тогда горело азарта и огня!
Они теперь лишь в старческой памяти хранятся
И катят свои строки на жизнь и на меня.

Помню, на РГТО трудились мои братья,
С какими я общался и хорошо дружил.
К тому ж, на РГТО я и жену сосватал,
На что цветов бессчетно и терпенья положил.
Теперь мы с нею вместе целых пять десятков
Только уже наших агадырских лет,
А Караганда осталась нашей жизнью хваткой,
Памяти дороже о чем и нынче нет.
Народом Караганды мы должны гордиться —
Бардышевой Женей, Екатериной Кузнецовой.

Одна жизнь начинается талантливой певицей,
Другая в жизни долгой — журналист бойцовый.
Молодость Евгении, может быть, поможет
Достичь ей казахстанских певческих высот,
Чем престиж страны она в миру помножит
И для столицы угольной поклоны принесет.
Екатерину ж Кузнецову мир журналистский знает,
Журналистика же знает ее судьбу и жизнь,
Она в "Индустриалку", как с небес, слетает,
И ценен ее давний геройский атавизм.
"Индустриальная Караганда" с читателем общалась,
Давая материалы о сталинской пучине,
Автор Кузнецова с карлагцами встречалась,
Кто был в Карлаг посажен, как было, без причины.
А пригвоздил ГУЛАГ к вечному проклятью
Прошедший его муки писатель Солженицын:
Жизнь в правленье Брежнева не стала доброй сватьей,
И страна его услала на жизнь за границу.

"Архипелаг ГУЛАГ" - то памятник России,
Всех "врагов народа", бойцов и кулаков:
Их сталинизм с НКВД работой так насиловал,
Что смерть было дороже всех лагерных оков.
А автора услали из СССР в Америку:
Брежневская клика дышала сталинизмом,
Ее не волновала народная истерика,
Она жила своим воздушным коммунизмом.
Ну и слава Богу, коммунизм споткнулся,
А СССР и вовсе в пропасть провалился,
СНГэвский мир в мир новый окунулся
И в своем движении... в телеге очутился.
Целину мы двадцать лет не сеем и не пашем,
Сегодня о ней помнит лишь старый человек.

Пробиться нынче в Ашхабад
или Ташкент — проблема,
Наперво денежки потребно заиметь.
А заиметь их можно по обменной схеме,
Какая нас не сможет обнять и обогреть.
А почему бы в Алматинско-Ташкентском регионе
Среди пяти республик не родить валюту
Единую, которая, как евро, не станет жить в загоне,
А вовсе, как и евро, развернется круто?
К российскому рублю, к доллару и евро
Прибавится, возможно, какой-нибудь тенге,
Новая валюта не станет портить нервы
И также приживется в азиатской стороне.
Пять республик наших с единою валютой —
Так это же великий азиатский регион!
В нем прочая валюта потечет попутно,
Чему и позавидовать заставить может он.
Может, позавидуют кавказские республики —
Единая валюта их сильней сплотит,
И мировую публику, изысканную публику
К себе своей загадкой и богатством поманит.
Прочее блаженство время приумножит
И, возможно, всех нас вновь объединит.
Союз объединенный нам и жить поможет,
И дружбу еще более в народах сохранит.
Конечно, за Есениным мне точно не угнаться,
Но нужен ли сегодня такой по жизни бег?
Наверно, мне начертано собою оставаться
И на висках сжимать мой серебристый снег.
Несладка жизнь снабженца: поезда и небо,
Тряска на дорогах — работы той удел.
За тридцать лет снабженческих где я только не был,
С романтикой снабженческой я и поседел.

А пути снабженца гнали в Севастополь,
Электрификация загнала и в Ростов,
В Беслане обнимал я соскучившийся тополь,
Своей "железки" ради и к черту был готов.

Был я в Минусинске и Шушенском селении,
Где великий Ленин отбывал отсидку,
Работу я, однако, выполнял без лени;
В сибирской командировке купался в Енисее,
А в Новосибирске так понырять в Оби.
Следил, как поднимался в космос Елисеев,
И просил Всевышнего: Боже, пособи!
Пособи мне в Агадырь и домой умчаться,
Прерви командировку и ее мучения...
"Работа у тебя отлично получается,
Так что повинуйся и этому стечению,
Стечению обстоятельств, — говорит начальство,
Какое в кабинетах в Агадыре далеком. —
Ты трудишься отменно, без лени и нахальства,
Мы всегда с тобою, ты не одинокий".

Так не одиноким тридцать лет умчали,
Пришлось бывать в Тагиле и в Новокузнецке,
Не все командировки были без печали,
Однако себя ставил я всюду молодецки.
Работа увлекала, хоть и отвлекала
От дома, от семьи, от творческих дерзаний,
Во мне она Стаханова, как помню, не искала,
Но искала больше творческих познаний.
Ну, а в двухтысячном и пенсия поспела,
Десять лет да с гаком я пенсионер.
За пенсионный срок роман довел до дела,

Увидел бы он свет — какой бы был пример!

Прочла моя жена стихи и беллетристику
И сказала просто: "Милый, не пойдет!
Что ж ты все куплеты оставил без статистики
И никакой не сделал поворот?
Поворот под цифрами, и в каждом своя тема,
Но ты того не сделал и в кучу все свалил,
А издатель это сделает по особой схеме
И твою поэму отправит на распыл.
В целом же, жолдас мой, Абдрахман сердечный,
Все, что для издателей готовил и писал,
Думаю, пригодно лишь для растопки печи,
Потому как по-казахски ты — простецкий шал.

По-нашенскому шал — просто старикашка,
Но старики, бывает, такое выдают!
Чему бывают рады и дети, и милашки:
Те произведения в их сердцах живут.
В тебе я, Абдрахман, таланты обнаружила,
Таланты эти в прозе и в твоих стихах,
Ради строчек нынешних ты даже и не ужинал
И, кажется, молился, как истинный монах.
Считаю, Абдрахман, стихи твои читаемы,
В них — живая жизнь и шустрый человек,
События, судьба и время узнаваемы,
Как и весь наш новый СНГэвский век.

Нынешнее время все-таки другое —
Не то, что было даже двадцать лет назад.
Мы забыли песни про Ржев и Бологое

И даже не выходим на праздничный парад.
Мы своим достатком просто обленились,
Это видят СМИ, да и весь народ,
А в проблемах наших мы просто закрутились
И отчего-то топчемся, не двигаясь вперед.

Как верблюды, топчемся с нашими машинами,
Какие, хоть убейся, а рожают смерть,
Где пешеходов давят выпившие шинами,
Что совсем нередко нам удается зреть.
На Западе ж — извечная законная трезвянка.
За рулем подцатым? Да Боже упаси!
У нас же умудряются даже спозаранку
Засосать стопарик и сказать: "Мерси!"
Виною тому тут наша русская натура
С ее такой открытой и простой душой,
Какая по своей изысканной культуре
Старается всем сделать только хорошо.

Ладно, Абдрахман, про ДТП забудем,
Давай коснемся лучше всех твоих стихов,
Вдаваться в их концепцию и качество не будем,
Потому как все-таки ты истинный хохол.
Ну, а хохлу положено иконе помолиться
И просить Всевышнего твоим стихам помочь,
Со святой водою пред книгой появиться
И листки побрызгать в праздничную ночь.
Все проделки с рукописью издателям до фени,
Важно, чтоб стихи дышали жизнью и душой.
Знаю, ты писал их с любовью и без лени,
Хотя и называл их презрительно "лапшой".
Но из лапши, мы знаем, вкусы известны,
От каких и правда слюнки истекают,

Некоторые блюда и вовсе интересны,
Пробы с которых гурманы снимают.
Кто ведает, кто нами и нашей жизнью правит —
Время, люди, боги или же сама судьба?
Кто наши подвиги и наши книги славит —
Везение, удача, деньги иль борьба?

В жизни нашей многое, Абдрахман, неясно...
Как рождаются добрые и смелые стихи?
Что-то в них прекрасно, что-то и ужасно,
Где-то в них безгрешность, а где-то и грехи.
Возьми, к примеру, Лермонтова стих незабываемый —
Ну, тот, что он на смерть поэта написал:
Ах, сколько в нем огня, экспрессии желанной
И столько черной желчи, чем свет он обличал!
Иль возьми стихи о войне минувшей:
У каждого поэта в стих вложена душа,
Никто из них не стал вельможей иль чинушей
И не смотрел на жизнь глазами малыша.
Война рождала подвиги, смерти героев,
Труд рождал в народе его доблесть, честь,
Какие проявлялись в небесах и в море —
Всюду, где наш человек будет, был и есть.

О войне жестокой наше поколение
Начинает попросту сегодня забывать,
Сегодня и поэты живут в своем забвении,
Им о войне не хочется даже вспоминать.
Она была жестокой и кровопролитной,
Но было это в старину, при царе Горохе.
В ней на века прославилась военная элита,
А простой Матросов не смотрится эпохой.
И сегодня на виду Жуков, Рокоссовский,

Конев и Панфилов, Ватутин и Чуйков,
Берзарин, Кузнецов, Петров и Малиновский,
Они и нынче в памяти земли и стариков.

А войне бы надо посылать проклятья,
Что способны сделать только лишь поэты.
Почему тебе бы не поклониться братьям,
Что на войне погибли, и не черкнуть об этом?
Ах, война, только зла ты в миру вытворяешь,
Сеешь смерть на красивой земле,
Все живое со свету сживаешь.
Ах, война, все проклятья — тебе!
Сколько жизней в веках ты сгубила,
Людям горя и слез принесла,
Косу смерти, не прячась, точила,
Кровь людскую морями лила.
И сегодня с косою своею
Ты страдания людем несешь,
Черной смертью и прахом лишь веешь,
Жизнь людскую залогом берешь.
Кто родил тебя, солнце иль боги?
И когда чтоб проклясть этот век?
Война: "Успокой свою блажь и тревоги!
Породил меня ты — ЧЕЛОВЕК!"

Каждый год Победы нас всех предупреждает,
Что войны нам приносят только смерть и смерть,
Мир сорок первый год и нынче вспоминает,
И нам с тобой в те годы надо бы глядеть...
Для того глядеть, чтоб помнить воевавших
Наших с тобой батек и чужих отцов,
Жизнь свою за нас с тобой и за страну отдавших,
Отдавших жизнь солдата и души храбрецов.

Теперь война, минувшая на земле, — история,
Для нас же, Абдрахман, — история вдвойне.
Отцы, прощаясь с нами, со старшиной не спорили,
Какой их ждал с машиной тут же, в стороне.

Рыдали наши матушки, и мы рыдали — дети,
А батьки укатили, и тоже со слезой.
Нас не успокоили ни пряник, ни конфетки,
Ни общение с маленькой, как кошечка, козой.
Ну, а дальше годы трудные, военные,
Детки подросли и встретили Победу,
И мы с тобою тоже росли обыкновенные,
Росли и под победным, и целинным небом.
А дальше - жизнь, школа, юношеские годы,
Аттестат, работа, институт, дитя...
Мы с тобой, наверно, не ангельской породы:
Жизнь нам давалась серьезно, не шутя.

Так мы и до пенсии с тобою докатились,
Она дала нам тишину, довольство и покой.
Дочки вышли замуж, парни — поженились
И жизнь сегодня делают собственной рукой.
Мы же, их родители, их благословляем
На подвиги, богатство, на счастье и любовь.
Конечно, им тарзановского здоровья желаем,
И чтобы у них детки рождались вновь и вновь.

Дети ж нам спокойно в мобильник отвечают:
"Тройня, даже двойня нынче не в чести!"
Пусть их ребятенки от жизни получают
То, что они смогут с собою унести.
А жизнь нынче дарит полную свободу
В учебе и в работе, в дружбе и в жите,

Выбор для потехи утонченной моды,
Ну и вера в счастье чужое и свое.
Так что, Абдрахман Калкенович, с тобою
Мы жизнь хотя нелегкую, но все-таки прошли —
Где-то с доброй волей, где-то и с борьбою,
А счастье, пусть нелегкое, однако мы нашли.

Чего нам нынче ждять от мира и от Бога?
Пенсия что надо, здоровье — как у всех,
Болезни, слава Богу, не трутся у порога,
Нам на то пожаловаться некому и грех.
У меня извечно женские заботы:
Сделать постирушку, состряпать куличи,
В окошко видеть тех, кто катит на работу,
И как искусный парень ложит кирпичи.
А дворник со своею длинною метлою
Наводит во дворе азарт и чистоту...
Только мы с тобою как мужик с женою
Уже перешагнули пенсионную черту.
Мои дни пенсионные меня с детьми общают,
Иногда с друзьями, а в Барнаул — с сестрой.
Ну, а твои деньки, Калкенович, нищают,
Поскольку ты с поэзией
 не можешь вступить в строй.

Вижу я, как дождь стихов из Абдрахмана льется,
Они - на телевизоре, в кресле, на столе,
Неведомо, как год Змеи с ними разберется:
Даст узреть им белый свет или предаст земле?
Год Змеи, друг Гюльчатай, тут, может, и не нужен,
А вот издатель скажет вдруг:

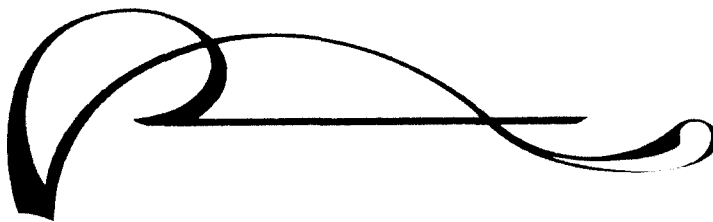
"Вы, Абдрахман, — поэт!

Плаваєте ви, правда, по стихотворним лужам,

Но чувствуем, на вас сидит спасательный жилет.

Конечно, годы ваши с нынешними разнятся:
У вас в стихах война и голод отражаются,
Ваши годы были далеко не праздные,
А нынче на разгул, гульбу да на тенге бросаются.
В целом же ваш стихотворный торт пахнет эрудицией,
А значит, он дойдет к обеду до читателя,
В нем литературная сохранена позиция,
Так нужная читателю, поэту и писателю".
Издателям со старческой позиции
Я пожелаю счастья, здоровья и друзей!
Дома ж я в своей ухоженной светлице
Буду ждать набора всей "лапши" моей.
Ну, а коль "лапша" моя выльется в книжонку,
Я уж точно песню в экстазе запою,
Порадую друзей, а прежде мою женку,
Я за победу эту за ценой не постою!

Что ж, закончу душеизлияние,
Пусть оно в издательстве коснется мудрецов,
Я так приложил, друзья, старания и знания,
И ставлю свою роспись: "*Николай Слепцов*".

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Паслен	7
Вот моя деревня.....	8
Мне семь и пять	10
Юбилейное.....	12
Каражальцам.....	14
Моя страна.....	15
Учителю	17
Деревенька моя.....	18
У нас и СНГ	21
Частушки-житушки.....	24
Детские вопросы.....	26
О прошлом и настоящем.....	30
О пишущей машинке.....	33

БЛАЖЬ ЛИРИЧНАЯ И ПЕСНИ

Грустинка	36
Весеннее.....	37
Дайте мне любовь.....	38
В лесу родилась елочка	39
Женщине	40
Тракторист.....	42
Желание	43
Рассказ бывшего почтальона.....	44
Я люблю степь.....	54
Сердобольный Лев.....	55

Осенние мотивы.....	56
Письмо.....	57
Частушка-прозимушка	60
Астанчанке.....	61
Все цветы - вам!.....	62
Диалог с другом.....	64

МОИМ ИЗДАТЕЛЯМ

Смерти нет.....	77
Таланты и поклонники	79
О прошлом и нынешнем.....	80
О себе	81
Моей любимой газете — 80 лет	83
Наваждение.....	84
О стихах	85
Мои поклоны.....	87
Внук и дед с желанием побед.....	90

Заказ 688 Тираж 25
Формат 60х84 1/16. Объем 7,25 п.л.
Бумага офсетная.
Отпечатано в типографии ТОО «Арко»
г. Караганда. ул. Сатпаева, 15